

★ А Л Е К С Е Й ★

ТАУРИАТ

КАЛУГИН

КРЫСА

*ВСЕ ПОД
КОНТРОЛЕМ*

Алексей Калугин
Все под контролем (Сборник)

«ЭКСМО»

2002

Калугин А. А.

Все под контролем (Сборник) / А. А. Калугин — «Эксмо», 2002

Трудна и опасна работа сотрудников Департамента контроля за временем! Но зато на их долю регулярно выпадает высокая честь раскрытия самых головоломных загадок истории. И именно их расследование помогло установить, что таинственные статуи острова Пасхи – всего лишь результат деятельности двух оболтусов, которым просто нечем было заняться, а смертельно раненный Ван Гог, помещенный в зону Безвременья, сумел создать целых восемь неизвестных искусствоведам полотен. А если в актив контролеров времени добавить еще и успешное проникновение в тайну архива самого Уильяма нашего Шекспира, то сразу становится понятно, кто же на самом деле творит историю!

© Калугин А. А., 2002

© Эксмо, 2002

Содержание

Дело мелкого контрабандиста	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	15
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	24
Глава 9	27
Глава 10	29
Глава 11	33
Глава 12	35
Глава 13	37
Глава 14	42
Дело о картине неизвестного автора	44
Глава 1	44
Глава 2	46
Глава 3	50
Глава 4	52
Глава 5	54
Глава 6	58
Глава 7	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Алексей Калугин

Все события, описанные в книге, являются реальными. Так же, как персонажи, каждый из которых выведен под своим собственным именем.
Автор

«Искусство – это ложь, которая помогает нам понять правду».
Пабло Пикассо, сентябрь, 1958 г.

Дело мелкого контрабандиста

Глава 1

Улочка была узкой и ужасающе грязной. Смрад стоял такой, что от него, казалось, даже глаза резало. Что поделаешь, в XVII веке в Лионе еще не было канализации, по причине чего не только мусорные ведра, но зачастую и ночные горшки горожан опоражнивались через окна прямо на мостовую.

К чему Жан-Поль Сейт никак не мог привыкнуть, так это к ужасающей антисанитарии позднего Средневековья. Не помогал даже безотказный в иных ситуациях психотренинг, когда достаточно бывает просто заставить себя не замечать то или иное неудобство. Поэтому и походка у Сейта была неуверенная и неловкая – он не шагал, держа руку на эфесе шпаги и гордо выпятив грудь, демонстративно не замечая того, что попадает под ноги, а старался выбирать места посуше и почище. Но когда навстречу ему попались двое крепко подвыпивших мушкетеров, Сейту, чтобы разойтись с ними, пришлось-таки прижаться спиной к обшарпанной стене дома, по щиколотку утопив при этом ботфорты в луже с какой-то черной, вонючей жижей. И все равно один из мушкетеров с длинным носом и серыми сальными волосами, грязными сосульками свисающими до плеч, зацепил Сейта плечом, откровенно нарываясь на ссору. Конфликты с местным населением никоим образом не входили в планы Сейта, а потому он сделал вид, что не заметил выпада.

Разминувшись тем же манером еще с парой развеселых компаний, Сейт наконец вышел к Ратушной площади.

Дом аптекаря Жака находился как раз напротив ратуши. В мансарде, которую хозяин сдавал внаем, жил агент Департамента контроля за временем, который вот уже вторую неделю вел наблюдение за приезжими торговцами, раскинувшими свои лотки по всей площади. И дежурил он, похоже, не зря – Сейт увидел в окне мансарды условный сигнал, означавший, что Марин уже на месте.

Сейт не спеша обошел ратушу и, отмахнувшись от торговца, настойчиво предлагавшего ему купить плюмаж, вошел под своды галереи, тянущейся вдоль стены ратуши. Одной стороной галерея прилегала к каменной кладке ратушной стены, другая была открыта и ограничивалась тонкими столбиками, поддерживающими сводчатые перекрытия. Длинная и узкая настолько, что в ней с трудом смогли бы разойтись двое человек, галерея заканчивалась тупиком с нишей в форме маленькой полукруглой беседки.

В нише находились двое. Изысканно одетый, со шпагой на боку, худой и высокий господин стоял в надменной позе и свысока взирал на человека невысокого роста, с ног до головы закутанного в светло-коричневый, изрядно затасканный плащ. Человечек то и дело быстро

наклонял покрытую капюшоном голову и что-то суетливо перебирал в огромной холщовой сумке, стоявшей рядом с ним на скамье.

– Ты наглец, Марин! – медленно и громко, но без злости произнес высокий. – Но, черт возьми, товар у тебя действительно отменный! Даже в Париже я не видел ничего подобного! Я беру три штуки!

Марин протянул господину три небольших брикета в яркой пластиковой упаковке и получил взамен увесистую золотую цепь с медальоном. На лице торговца, на мгновение выглянувшем из-под капюшона, появилась довольная улыбка.

– Благодарю вас, сударь. Через пять дней я постараюсь быть здесь с новым товаром. Буду счастлив снова видеть вас.

Высокий господин небрежно кивнул торговцу и вихляющей походкой направился в сторону площади, где его ожидала карета.

Марин присел на каменную скамью, поставив сумку между ногами. Цепь, полученную только что в обмен на товар, он намотал на пальцы. Положив медальон на ладонь, он вытянул руку, чтобы полюбоваться тем, как солнечные лучи играют на золоте.

Сейт огляделся по сторонам и, не заметив никого, кто бы тоже интересовался Марином, зашагал к каменной беседке, нарочито громко ударяя каблуками ботфорт о камень и звякая шпорами.

Увидев приближающегося к нему человека, одетого, как богатый аристократ, Марин кинул цепь в сумку и поспешно поднялся на ноги. Дождавшись, когда Сейт подошел к нему, он учтиво поклонился.

– Чем могу служить вам, сударь?

Высокомерно вскинув подбородок, как и подобает знатному вельможе, которому приходится общаться с простолюдином, Сейт осведомился:

– Ты – Марин, торговец?

– Да, это я, – Марин еще раз поклонился, учтиво, но без подобострастия.

– Мне рекомендовал тебя мой друг, капитан де Тарси, – как бы между прочим сообщил Сейт. – Что за товар у тебя сегодня?

– О, сударь, не хуже, чем всегда! – Марин принялся рыться в сумке, краем глаза оценивая поглядывая на покупателя. – Для вас у меня найдется нечто совершенно необыкновенное!.. Но, сударь, – глаз торговца, направленный на потенциального покупателя, хитро прищурился, – ваш друг, направивший вас ко мне, должно быть, также предупредил вас, что я предпочитаю брать плату не деньгами, а ювелирными изделиями или художественными миниатюрами. В исключительных случаях меняю товар на картины. Сразу видно, что вы человек состоятельный, но...

– Я все знаю, – взмахом руки прервал Сейт торговца. – Показывай товар.

Марин быстро кивнул и достал из сумки кусок цветочного мыла в яркой пластиковой обертке и упаковку мятной жевательной резинки.

– Это необыкновенные вещи, сударь, – Марин улыбался. Ему нравилось удивлять своих покупателей. – Я расскажу вам об их назначении. И, уверяю вас, вы не только не пожалеете средств, потраченных на их покупку, но и обязательно придете ко мне в следующий раз...

– А вот это вряд ли.

Быстрым профессиональным движением Сейт обернул вокруг запястий Марина тонкий пластиковый ремешок силовых наручников.

– Павел Марин, вы арестованы по обвинению в контрабанде, – объявил он официальным тоном. – Я инспектор Департамента контроля за временем.

Вот и все! Конец нудному двухнедельному наблюдению за проделками какого-то мелкого контрабандиста, осмелившегося обдирать свои грязные делишки под самым носом у сотрудников Департамента!

Несмотря на столь неожиданный поворот событий, Марин не проявил ни удивления, ни беспокойства. Он занимался контрабандой всю свою сознательную жизнь, и арест был для него делом вполне привычным, хотя и не особенно приятным. Аккуратно уложив товар в сумку, Марин поднял ее за длинную лямку и легко закинул на плечо.

– Ведите, инспектор, – улыбнулся он как-то очень уж беззаботно. – Но вначале хочу официально заявить, что в ходе своей профессиональной деятельности я целиком и полностью придерживался «Всемирной Конвенции о временных переходах». Во-первых, я не доставлял во Францию XVII века ни наркотиков, ни технических устройств, ни оружия. Хотя, сами понимаете, на изделиях вроде ваших наручников я мог бы без особых проблем за короткий срок сколотить состояние. Но в своей торговле я ограничивался только средствами индивидуальной гигиены и кое-какими безобидными безделушками. Во-вторых, я не вывозил из Франции XVII века ничего, что входило бы в Каталог всемирного наследия. В-третьих, в целях оказания помощи следствию я готов добровольно сдать свой темпоральный модулятор и склад товаров.

– Склад? – удивленно поднял бровь инспектор.

На самом деле, в настоящий момент Жан-Поль Сейт находился в звании младшего инспектора, которого всего полшага отделяло от недавнего стажера, но задержанному знать об этом было совсем необязательно.

– Ну, склад – это, конечно, громко сказано, – смущенно улыбнулся Марин. – Всего лишь небольшой тайник с запасом товаров. Не думаете же вы, что я мотался через шесть веков с одной лишь сумкой на плече?

– Далеко ваш тайник? – поинтересовался Сейт, не проявляя при этом особой радости.

Будь его воля, он бы предпочел поскорее вернуться домой и сдать контрабандиста охране, а не прогуливаться в его обществе по городу. Лион и в особенности его окраины пользовались дурной славой. Здесь можно было легко вляпаться в историю, не прилагая к тому никаких усилий.

– Возле трактира «Красный Гусиный Клюв», – сообщил местонахождение тайника Марин.

– У меня не было времени на знакомство с местными кабаками, – высокомерно и чуть презрительно усмехнулся Сейт.

– И уверяю вас, зря, дорогой инспектор...

– Далеко? – перебил словоохотливого контрабандиста Сейт.

– В десяти минутах ходьбы отсюда.

– Ладно, пошли, – Сейт на всякий случай взял Марина за локоть. – Только не в кабак, а к тайнику.

Глава 2

Маленький контрабандист, семенящий справа от инспектора, постоянно путающийся в полах широкого плаща, но при этом без умолку рассуждающий о гуманитарных целях своей коммерческой деятельности, о том, что бартер – это вовсе не контрабанда, и о том, что ход мировой истории вряд ли изменится от того, что французы начнут жевать резинку еще в XVII столетии, если признаться честно, был даже чем-то симпатичен Сейту. Он напоминал инспектору классического недотепу, неизменно присутствующего почти в каждой старой французской комедии. Но, во-первых, Сейту не было никакого дела до тех моральных оправданий, которые так старательно подыскивал для себя Марин, а во-вторых, инспектору полагалось выдерживать в отношениях с нарушителями закона строгий и даже немного суровый тон. А потому слушал Сейт своего спутника вполуха, думая при этом о том, что задержание, на которое до него никто не мог решиться, он провел в одиночку, настолько чисто, что даже не потребуются вызывать реставраторов, чтобы устранять негативные последствия межвременных контактов. И, если вышестоящее руководство обратит внимание на то, как быстро и четко сработал младший инспектор, чей срок службы в Департаменте составлял без году неделю, то не исключено, что в ближайшее время ему светит продвижение по службе.

Сейт, можно сказать, замечтался. Но только самую малость, не теряя при этом бдительности. И когда Марин внезапно остановился, Сейт четко зафиксировал пальцы на его локте.

– Пришли, – сказал Марин.

Они стояли возле круглой каменной башни высотой в три этажа. Большие каменные блоки, из которых были сложены стены, местами потрескались и поросли мхом, а в щелях между ними топорщилась мелкая сорная трава. Кровля покосилась и, насколько можно было рассмотреть снизу, местами провалилась. Но все равно выглядела башня весьма внушительно.

– Кто владелец башни? – подозрительно посмотрел на Марина Сейт.

– Я, – мило улыбнулся Марин.

Деликатно высвободив локоть из пальцев инспектора, Марин подошел к тяжелой, обитой кованым железом двери и навалился на нее плечом. С душераздирающим скрежетом дверь чуть приоткрылась – ровно настолько, чтобы можно было протиснуться внутрь.

– Прошу! – сделав шаг в сторону, Марин указал скованными руками на дверь, предлагая инспектору войти первым.

– Что внутри? – спросил Сейт, не двигаясь с места.

– На первых двух этажах нет ничего, только широкая каменная лестница, ведущая наверх. А вход на третий этаж наглухо замурован. Говорят, что эту башню построил лет сто тому назад какой-то благородный граф для того, чтобы заживо схоронить в ней свою похотливую женушку. Ее замуровали на третьем этаже, а еду передавали через узенькое оконце – из него невозможно было даже выбраться. Так и просидела она там до самой смерти. Может быть, это всего лишь легенда, но местные жители боятся даже близко подходить к башне. Одни говорят, что по ее лестницам до сих пор слоняется призрак графини, другие – что сюда заглядывает привидение самого графа, мучимого угрызениями совести. Одним словом, жуткое суеверие XVII века охраняет мой тайник лучше любых замков.

Сообразив наконец, что инспектор не желает входить в башню первым, Марин улыбнулся и осторожно, бочком проскользнул за дверь. Сейт последовал за ним, готовый к любым неожиданностям.

Но Марин не готовил инспектору никакого подвоха. В очередной раз улыбнувшись, он начал неторопливо подниматься по широкой пристенной лестнице.

Сейт отметил, что каменные ступени лестницы сохранились на удивление хорошо. Должно быть, ими и в самом деле пользовались нечасто.

На площадке второго этажа Марин остановился возле оконного проема и протянул Сейту руки, скованные наручниками.

– Здесь, дорогой инспектор, вам придется меня освободить. Дело в том, что запор тайника расположен с наружной стороны стены, и со скованными руками я до него не дотянусь. К тому же, могу вас заверить, я не настолько глуп, чтобы пытаться сбежать от человека, который, вне всяких сомнений, виртуозно владеет психотехникой.

Сделав вид, что не заметил откровенной лести, Сейт снял с Марина наручники.

Быстро растерев запястья, Марин легко запрыгнул на подоконник и, держась одной рукой за его край, свесился за оконный проем. Что он там делал, Сейту не было видно, но через какое-то время один из каменных блоков стены бесшумно провалился до уровня пола, открыв потайную нишу глубиной около метра.

– Толстые стены делали в старину, – Марин спрыгнул с подоконника и принялся вытаскивать из ниши большие черные кейсы. – В первом – темпоральный модулятор, во втором – одежда, в третьем – товар, в четвертом – то, что удалось выторговать у местных скряг. – Марин хитро глянул на инспектора. – Опись будем делать прямо сейчас?

– Нет, – покачал головой Сейт. – Мы отправим вещи в Департамент, воспользовавшись вашим темпоральным модулятором. А вам придется совершить путешествие домой вместе со мной.

– Нет-нет-нет! – протестующе вскинул руки Марин. – Я свои права знаю. Я могу потребовать сделать опись моих вещей на месте их изъятия, и я требую этого! Я не хочу, чтобы ваши специалисты нашли вдруг в моих кейсах портативный диктофон или последнюю модель автомата Калашникова.

– Ваше право, – неохотно согласился Сейт. – Но это займет какое-то время...

– А я никуда не тороплюсь, – улыбнулся Марин, довольный тем, что ему удалось-таки подловить инспектора. – Скажу вам честно, инспектор, я здесь прижился. Нравится мне здешний климат, воздух чистый, да и народ здесь по большей части тоже неплохой. Хотя, конечно, встречаются всякие...

– Ну, хватит, – с несвойственной для него резкостью оборвал Марина Сейт.

Инспектора можно было понять. Сидеть в башне с привидениями и дотошно переписывать барахло из четырех кейсов – занятие не из приятных. Но в данном случае закон, которому служил инспектор, был, как это ни обидно, на стороне правонарушителя.

Марин же, в свою очередь, понял, что дальнейшее злорадство по поводу того, в какую канитель ввязался, сам того не желая, инспектор, к добру не приведет, и, успокоившись, с деловым видом взялся за свои кейсы, давая тем самым понять, что всецело готов сотрудничать с властями.

Сейт сел на ступеньку лестницы, ведущей на третий этаж, положил рядом свою широкополю шляпу с роскошным розовым плюмажем и достал из-под плаща опломбированный цифровой диктофон для записи протоколов.

– Приступайте, – кивнул он Марину.

– Начнем с этого, – взявшись двумя руками за углы, Марин открыл крышку первого кейса. – Темпоральный модулятор «Скат-015-21М» с питанием от шести элементов типа «Сириус». Должен вам заметить, инспектор, замечательная модель. А вы какой пользуетесь?

Сейт оставил вопрос Марина без ответа. Записав на диктофон характеристики темпорального модулятора, цвет и видимые дефекты прибора, он нажал кнопку паузы и скомандовал:

– Давайте следующий кейс.

Марин послушно захлопнул кейс с темпоральным модулятором, отодвинул его в сторону и открыл другой, заглянув в который Сейт даже присвистнул от тоски. Чего там только не было: зубные щетки и расчески всех цветов и размеров, мыло и зубная паста всевозможней-

ших сортов, невероятное количество пластиковой бижутерии самых невероятных форм, духи, лосьоны, кремы, помада, какие-то застёжки, пряжки, пуговицы, жевательная резинка, одноразовые зажималки, авторучки, зубочистки...

Марин остался доволен произведенным эффектом.

– Вы еще не так засвистите, инспектор, когда я открою кейс с тем, что я получил в обмен на парфюмерию, – многозначительно пообещал он. – Работы здесь не на один час. Может, сходим сначала перекусить в «Красный Гусиный Клюв»? – предложил он и быстро добавил: – За обед плачу я.

Ответ Сейта был прост:

– Вытряхивайте свое барахло.

Уловив в голосе инспектора угрожающие интонации, Марин счел за лучшее не настаивать на своем предложении. Он лишь вновь улыбнулся:

– Ну, как вам будет угодно.

Развернув кейс, Марин передвинул его к краю лестничной площадки, а сам спустился на пару ступенек вниз и присел на корточки. Склонившись над яркой грудой, представляющей собой совершенно бессмысленный и бессистемный набор вещей, он начал не спеша, с любовью и нежностью, перебирать свой товар. Сейту даже показалось, что Марин погрузился в состояние легкого транса.

– Эй, – негромко окликнул он контрабандиста.

Марин поднял взгляд на инспектора и ласково улыбнулся ему. Выудив из вороха парфюмерии кусок мыла в ярко-красной упаковке, он чуть приподнял его, держа на ладони точно так же, как недавно держал золотой медальон. Затем, словно священнодействуя, он зажал кусок мыла между ладонями, поднес к лицу и, прикрыв глаза, медленно втянул в себя частичку его аромата.

– «Малиновый звон» с запахом кориандра, производство «Прага-Центр», евро за упаковку, – произнес он, не открывая глаз, так, будто это были слова снизошедшего на него озарения.

После столь впечатляющего театрального начала Сейт настроился на самое худшее. Но, вопреки ожиданиям инспектора, Марин быстро перестал ломать комедию и повел себя вполне по-деловому. Он брал в руки один кусок мыла за другим и с ходу, даже не взглянув на упаковку, называл характеристики и цены, которые Сейт едва успевал записывать на диктофон.

Через полчаса Сейт почувствовал, что начинает тупеть от бесконечного перечисления сортов, цветов, цен и названий фирм. Прежде он даже не задумывался о том, сколько видов мыла выпускается в XXII веке.

Наконец Марин остановился.

– С мылом как будто закончили. – Марин окинул взглядом ворох мелких разноцветных предметов, которыми все еще был полон кейс. – Да, чуть не забыл, – неожиданно хлопнул он себя по лбу. – В сумке осталось еще несколько кусков.

Ухватившись за длинную ляжку, Марин подтянул к себе холщовую сумку и высыпал все ее содержимое в верхнюю крышку кейса.

– Вот еще пять кусков, – сообщил он, выуживая из груды самых разнообразных предметов упакованные в пластик куски мыла. – Записываете, инспектор?

Сейт кивнул, даже не взглянув на Марина.

– Два куска «Розовой феи» с миндальным запахом, производство «ИТС», по пол-евро каждый. Кусок «Земляничного», производство «Зари», по четверть евро. – Марин зачем-то понюхал кусок мыла, прежде чем отложить его в сторону. – Дешевка, но, как ни странно, пользуется популярностью у местной знати. Кусок «Цветка Лотоса», производство «Эриксон и Петров», по евро за упаковку. А вот это – нечто особенное. Взгляните, инспектор.

Продолжая записывать на диктофон названия сортов мыла, Сейт машинально взял в руку протянутый Марином брикет в красно-синей пластиковой упаковке. В ту же секунду внутри упаковки что-то щелкнуло и раздался пронзительный свист, каким обычно сопровождается экстренный временной переход. Марин оттолкнул стоявший перед ним раскрытый кейс, собрался в комок и покатился вниз по лестнице.

Остановился он, лишь когда, прокатившись по всем ступенькам, ударился плечом о стену на лестничной площадке этажом ниже. С трудом распрямив спину, он со стонами и причитаниями поднялся на четвереньки. Ощущение после падения было таким, словно его как следует отколотили палками. Казалось, на теле не осталось ни единого живого места. Оперевшись рукой о стену, Марин не без труда поднялся на ноги.

Лестница наверху, где минуту назад сидел инспектор Департамента контроля за временем, была пуста. На ступеньке одиноко лежала его широкополая шляпа, самая модная в нынешнем сезоне.

– Порядок, – улыбнулся самому себе Марин.

Поднявшись по лестнице, он начал неторопливо собирать разбросанные вещи.

Ничего не скажешь, ловко ему удалось избавиться от инспектора. А весь фокус заключался в том, что в мыльной упаковке, которую сунул Марин ему в руку, был спрятан миниатюрный одноразовый темпоральный модулятор. ПроЙдоха Шмульц, собравший эту штучку, содрал за нее с Марина полторы тысячи евро. Но, как выяснилось, денeжки были потрачены не зря. Мотался бы сейчас Марин по кабинетам Департамента контроля за временем, давал показания, проходил комиссии, подписывал протоколы, врал, юлил, изворачивался, оправдывался. А он, вместо этого, пойдет выпить на радостях в таверну «Красный Гусиный Клюв». Ну, не ловок ли он – отбросил инспектора на пару веков в сторону, да еще и товар сохранил! Хотя и дорого, но надо будет заказать у Шмульца еще одну такую мыльницу!

Почувствовав какое-то движение у себя за спиной, Марин стремительно обернулся. Он был готов к любым неожиданностям – например, к тому, что темпоральный модулятор ПроЙдохи Шмульца оказался с дефектом, и инспектора из зоны безвремени выбросило назад, в то же самое время. Но то, что предстало взору Марина, могло бы повергнуть в трепет любого, у кого нервы были чуть мягче и нежнее колючей проволоки. На середине лестницы, ведущей вверх и упирающейся в глухую каменную стену, стояла женщина, облаченная в белый саван. У нее было бледное лицо с высохшей, как пергамент, кожей, длинный крюкообразный нос, глубоко провалившиеся, горящие красноватым светом глаза и полураскрытый, перекошенный на сторону рот с торчащими обломками зубов. Длинные седые волосы патлами свисали на плечи. Фигура ее была полупрозрачной, с неверными очертаниями, колеблющимися от дуновения ветерка в окне. Призрак вскинул руки над головой, запрокинул голову и душераздирающе застонал.

Марин с облегчением вздохнул.

– Ну и напугали же вы меня, графиня. – Укоризненно покачав головой, он достал из складок плаща черную прямоугольную пластинку пульта дистанционного управления. – Должно быть, включился, когда я катился вниз по лестнице.

Женщина протянула к Марину руки со скрюченными, сведенными судорогой пальцами и зловеще оскалила гнилые зубы.

– Где мой преступный муж?! – закричала она страшным голосом.

– Ну-ну, сударыня, меня-то вам не запугать...

Марин нажал кнопку пульта, и голографическое изображение призрачной графини растаяло в воздухе.

– Исчезла, как господин инспектор, – констатировал Марин и горестно вздохнул: – Придется все-таки убираться отсюда. Место засвечено. А как прекрасно все было организовано!

Глава 3

В одноразовом темпоральном модуляторе Марина отсутствовала система пространственной стабилизации, и, вылетев из зоны безвременья, младший инспектор Департамента контроля за временем Жан-Поль Сейт перевернулся в воздухе, обо что-то ударился головой и потерял сознание.

Глазам жителей районного городка Кипешмы, оказавшихся в тот самый день на той самой улице, предстало зрелище в высшей степени необычное: из густых кустов цветущей акации чуть ли не на четвереньках выбегает мужчина в синем мушкетерском плаще, в таких же синих панталонах с кружевными оборочками, в ботфортах до колен, да еще и при шпаге и почти замертво падает на тротуар.

Народ сгрудился вокруг неподвижного тела.

– Клоун, что ли? – неуверенно произнесла старуха с кошелками в обеих руках.

– Сама ты клоун! – веско возразил ей высокий худой мужчина в кепке. – Артист!

– Да у нас же в городе нет театра, – произнес кто-то из толпы.

– И цирка – тоже, – поддержал его кто-то другой.

– Кино снимают, – так же веско успокоил всех худой в кепке.

– А что за кино-то? – опять выкрикнул кто-то из толпы.

– Да какая разница! – закричал в ответ худой. – Не видите, что ли, товарищу артисту плохо! «Скорую» вызовите кто-нибудь!

Пока кто-то вызывал «Скорую», Сейта перенесли в тень тех самых кустов, из которых он и вылетел на мостовую Кипешмы.

Пока «Скорая» ехала, Сейт понемногу начал приходить в себя и ориентироваться в окружающем. Он видел, что вокруг него толпятся люди, и слышал, как местные жители переговариваются между собой:

– Напился до чертиков. Ноги не держат.

– Да кто напился? Кто напился-то? И не пахнет от него вовсе!

– А что это он в таком костюме по городу шляется?

– Как солнечный удар схватил, так и память у него всю отшибло. Вот и пошел, не сообщая куда.

Язык казался Сейту знакомым. Ему нужно было только вспомнить название этого языка, чтобы включить кодовую систему подсознания, но он не мог ни на чем сосредоточиться, потому что голова у него раскалывалась от боли.

Сделав усилие, Сейт приподнялся на локте.

– Лежите, лежите, товарищ артист, – заботливые руки снова уложили его на траву. – Сейчас за вами приедут.

С пронзительным воем подкатила машина «Скорой помощи». Первым к вышедшему из машины фельдшеру подскочил худой в кепке и по-военному четко и ясно доложил о происшествии:

– Несчастный случай здесь. Товарищ артист, перетрудившись на съемках новой художественной киноленты, получил солнечный удар. Вследствие чего потерял сознание, упал и расшиб голову.

– Где кино-то снимают? – поинтересовался фельдшер.

Худой замялся, но на помощь ему пришла очень толстая дама в очень открытом сарафане.

– Да на окраине, возле сгоревшего промсклада, – махнула она рукой куда-то в сторону. – Я вчера мимо проходила – военные там, человек тридцать. Копают что-то.

Фельдшер с пониманием покачал головой и подошел к пострадавшему. Опершись руками о колени, он внимательно осмотрел его с головы до пят, покивал головой и, выпрямившись, крикнул шоферу:

– Петрович, тащи носилки! Госпитализировать будем!

Когда Сейта стали укладывать на носилки, он вдруг испуганно принялся шарить руками в траве вокруг себя.

– Ну, в чем дело, больной? В чем дело? – недовольно забурчал фельдшер.

– Да мыльницу он свою небось ищет, – ответил кто-то из толпы, и Сейту в руку сунули темпоральный модулятор в яркой мыльной упаковке. – Импортная...

Глава 4

В больнице Сейту поставили диагноз «сотрясение мозга», переодели в застиранную до полной потери цвета больничную пижаму и уложили на койку в палате на первом этаже.

Поскольку новый больной не мог сообщить о себе ничего вразумительного и никаких документов при нем не оказалось, о пострадавшем артисте было заявлено в милицию.

Милиция быстро установила, что никакой съемочной группы в городе нет. В ДК «Железнодорожник», при котором числился самодеятельный театр, ни артисты, ни костюмы в последнее время не пропадали по причине полного отсутствия как первых, так и вторых. Так же и в розыске не числилось граждан, под приметы которых подходил бы неизвестный, находившийся на излечении в городской больнице и значившийся в милицейских протоколах под кличкой Артист.

Спустя три дня после поступления Сейта в больницу врачи признали состояние больного удовлетворительным и дали согласие на его встречу с сотрудниками милиции.

Беседа с Артистом не дала милиции никакой новой информации: пострадавший не мог назвать ни своего имени, ни места жительства, так же как не мог объяснить и то, каким образом на нем оказался столь странный костюм и как сам он оказался в Кипешме. Он даже не знал названия города, в котором находился, и затруднялся назвать сегодняшнюю дату.

Лечащий врач, оставшийся с капитаном милиции после того, как Сейт вернулся в палату, назвал состояние больного ретроградной амнезией – полной потерей памяти о своей прошлой жизни, – нередко случающейся после травмы головы. При этом врач заверил капитана, что во всем остальном пострадавший остается совершенно нормальным человеком и не представляет никакой угрозы для общества. У милиционера на сей счет имелись свои соображения, но он не стал обсуждать их с врачом.

Глава 5

Вопреки мнению врачей, инспектор Сейт помнил, кто он такой и что с ним произошло до того, как он очутился сначала на разогретой солнцем мостовой, а затем и на больничной койке маленького провинциального городка. Более того, он отлично понимал полнейшую безвыходность своего положения. Марин оказался совсем не тем безобидным простаком, за которого принял его Сейт. Усыпив бдительность инспектора, контрабандист подсунул ему в мыльной упаковке портативный темпоральный модулятор, который и выбросил Сейта из XVII века. Сейту еще повезло, что он ударился головой о мостовую Кипешмы, а не оказался погребенным в песках пустыни или замерзающим среди арктических льдов, поскольку в темпоральном модуляторе, собранном народным умельцем, известным под именем Пройдоха Шмульц, в целях экономии места отсутствовал не только пространственный стабилизатор, но и система привязки к местности.

Когда инспектор впервые открыл глаза на больничной койке, первым, кого он увидел, оказался мужчина лет тридцати с густой черной бородой и длинными волосами, спадающими ему на плечи и перехваченными на лбу пестрой тесемкой. Так же как Сейт, бородач был одет в линялую больничную пижаму.

– Как самочувствие? – спросил он у Сейта, присаживаясь на соседнюю свободную койку.
– Спасибо, неплохо, – ответил инспектор.

Когда в голове у него перестало звенеть от боли, он смог воспользоваться гипнопедической программой изучения языков, заложенной у него в подсознании.

– Меня зовут Михаил Цетлин, – представился бородач. – Я – скульптор-монументалист. Полагаю, что гений. Хотя широким массам общественности, равно как и критикам, пока неизвестен. Видел голову Ильича на центральной площади?

Смущенно улыбнувшись, Сейт отрицательно качнул головой.

– А Ильича в полный рост, что возле ДК «Железнодорожник»?

– Я случайно оказался в этом городе, – признался Сейт. – И сразу же попал в больницу.

Цетлин с пониманием кивнул.

– Я вот тоже попал под нож хирурга по причине приступа острого аппендицита.

Он расстегнул пижамную куртку и показал марлевую наклейку внизу живота.

– Разрезали удачно, а вот заживает плохо, – пожаловался он. – Гноится.

– Я мог бы вам помочь, – сказал Польш.

– Серьезно? – заинтересованно посмотрел на него Цетлин. – Можешь лекарства импортные достать? – Не дожидаясь ответа, он начал объяснять: – Понимаешь, меня местное руководство за что ценит? За то, что я работаю быстро! У меня сейчас в мастерской два незаконченных заказа стоят. Правда, работы, не в пример Ильичам, помельче. Одна – здешний первый секретарь, бюст в натуральную величину; вторая, – художник тихо прыснул в кулак. – Не поверишь, – заговорщицки произнес он, понизив голос, – любовница первого секретаря в чем мать родила. Да-да, – поспешно кивнул он, хотя Сейт и не думал проявлять каких-либо сомнений на сей счет. – Обнаженка в чистом виде. Говорят, персек хочет статую на даче установить. Правда, позировать нагишом эта краля мне наотрез отказалась. Поэтому приходится пользоваться классическими образцами. Ну а если я стану тормозить работу, то, сам понимаешь, мне замену быстро найдут...

Слушая Цетлина, Сейт внимательно осматривал больничную палату, пытаясь хотя бы приблизительно определить эпоху, в которой оказался.

– Где мы сейчас находимся? – поинтересовался он, воспользовавшись первой же паузой, возникшей в бесконечном монологе соседа по палате.

– В городской больнице, – тут же ответил Цетлин. Подняв подушку повыше, Сейт сел, прислонившись к ней спиной. – А в каком городе?

– Кипешма, – скульптор-монументалист тяжело и безнадежно вздохнул. – Русский Север.

– Какой сейчас год?

Сейт полагал, что столь необычный вопрос должен был вызвать недоумение у соседа по палате. Но Цетлин, как ни странно, вовсе не был удивлен.

– 1990-й, 20 июля, – с готовностью сообщил он. После чего заметил: – Между прочим, ты еще не представился.

– Жан-Поль Сейт, – назвал свое имя инспектор.

– Французское имя, – как бы между прочим заметил Цетлин.

– Мать у меня наполовину француженка, – объяснил Сейт.

– А самого-то тебя как сюда занесло?

Сейт промолчал, не зная, как лучше ответить на этот вопрос.

– Можешь, конечно, не отвечать, – не стал настаивать Цетлин. – Но имей в виду, что про тебя здесь рассказывают бог знает какие небылицы. И милиция в больницу уже наведывалась.

– Простите, Михаил, – сконфуженно произнес Сейт. – Я нахожусь в глупейшем положении... Мне необходима помощь, но я здесь чужой, и мне не к кому обратиться.

– Обратись ко мне, – запросто предложил Цетлин.

– И вы обещаете помочь, не задавая никаких вопросов? – с сомнением посмотрел на соседа по палате Сейт.

Цетлин задумчиво поскреб ногтями бороду.

– А в чем, собственно, проблема?

– При мне был кусок мыла в яркой упаковке. Мне непременно нужно его отыскать.

Цетлин удивленно шевельнул левой бровью.

– И это все?

– Пока все, – ответил Сейт.

– Ну, за этим дело не станет. – Цетлин поднялся с койки и приоткрыл дверь в коридор. – Аллочка! – громко позвал он. – Можно вас на минуточку?

В дверь вошла молодая медсестра с высокой прической и жеманной улыбкой на ярко накрашенных пухлых губах. Из-за плотного слоя макияжа, наложенного везде, где только можно, выглядела она лет на десять старше своего реального возраста.

– Аллочка, наш новый больной проснулся и хотел бы привести себя в порядок, – подобоострастно улыбаясь, сообщил ей Цетлин. – Вы не могли бы принести нам его вещи?

Медсестра окинула Сейта оценивающим взглядом.

– Саблю, что ли, он свою хочет? – спросила она, растягивая слова, как жевательную резинку, да еще и проглатывая при этом окончания.

– Бог с вами, Аллочка, с кем здесь сражаться? – протестующе взмахнул руками Цетлин. – Разве только вызвать меня на поединок из-за вашей несравненной красоты. – Польщенная Аллочка приторно улыбнулась, но почему-то не Цетлину, а Сейту. – Только у меня и без того живот уже распорот. Так что дуэль мы отложим до лучших времен. Мыло у него было...

– А сам он разговаривать не умеет? – перебила Аллочка, не отрывавшая взгляда от Сейта.

– Умеет, Аллочка, умеет! – горячо заверил ее Цетлин. – Только, увидев вас, лишился дара речи!

Аллочка довольно хихикнула и вышла из палаты.

Наблюдая за ней через щелку чуть приоткрытой двери, Цетлин сделал Сейту обнадеживающий жест рукой, не волнуясь, мол, все идет по плану.

Минут через пять медсестра вернулась.

– Вот ваше мыло, – сказала она, положив на тумбочку темпоральный модулятор, завернутый в яркую мыльную упаковку. – И еще какая-то штуковина, – рядом с темпоральным модулятором легла плоская зеленая коробочка размером с пачку сигарет.

– Это бритва, – Цетлин ловко подхватил Аллочку под локоток и легко, словно заправский мастер айкидо, почти не встретив сопротивления, развернул медсестру в сторону двери. – Премного вам благодарны. Через полчаса предстанем перед вами в наилучшем виде. А пока мы занимаемся туалетом, не говорите, пожалуйста, дежурному врачу, что мы уже проснулись. Хорошо?

– Ладно, брейтесь, – снисходительно бросила Аллочка, выходя из палаты.

– Ну, что скажешь? – закрыв дверь, с гордостью глянул на своего соседа Цетлин.

Сейт молча раскрыл мыльную упаковку и показал ее начинку, состоящую из переплетения мелких разноцветных деталек и проводков.

– Ты знаешь, что это такое?

– Радио? – предположил Цетлин.

– Нет. Это темпоральный модулятор.

Художник озадаченно почесал бороду.

– До того как я окончательно и бесповоротно решил стать художником, я проучился три семестра на физмате, но, разрази меня гром, не помню, что такое темпоральный модулятор.

– Это аппарат для перемещения во времени, – объяснил Сейт.

– То есть машина времени? – уточнил Цетлин.

– Можно сказать и так, – согласился с предложенной формулировкой Сейт.

Не так давно перенесший аппендиксотомию скульптор посмотрел на соседа по палате недобрый взглядом.

– И ты прикатил к нам прямиком от Людовика XIV?

– На соответствующем участке витка временной спирали, сопряженном с нашим временем, на престоле пока еще находится Людовик XIII, – ответил Сейт.

– А ты сам?.. – не закончив вопрос, Цетлин выполнил некий замысловатый жест рукой, смысл которого остался для Сейта непонятым.

– В XVII век я прибыл из XXII, – ответил Сейт и развел руками, как будто извиняясь за то, что все так получилось.

Окончательно утвердившись во мнении, что он имеет дело с классическим психом, тихим, но скучным, Цетлин откинулся на спинку койки.

– И этот твой темпоральный модулятор работает? – поинтересовался он, небрежно ткнув пальцем в электронную начинку мыльницы, которую держал в руках Сейт.

– Нет, – покачал головой инспектор.

– Жаль, – Цетлин с досадой цокнул языком. – А то смотались бы обратно к Людовику, винца бы хорошего попили.

Поднявшись с койки, Цетлин не спеша направился в сторону двери.

– Постой!

Цетлин обернулся.

Лицо у сидевшего на больничной койке психа было такое несчастное, что он вернулся и сел на прежнее место.

– Я знаю, что люди XX века имеют пока еще очень смутное представление о природе, сущности и форме временного потока, – Сейт говорил очень быстро, боясь, что Цетлин, не дослушав его, снова встанет и уйдет. – Он имеет спиральную форму. Длина каждого витка спирали колеблется в пределах от ста до ста пятидесяти лет. Преодолев зону безвременья, заполняющую пространство между витками, можно перескочить с одного витка на другой и оказаться в дне, сопряженном с нынешним. В XX веке я оказался, перескочив сразу через два витка...

– Подожди, – взмахнув рукой, остановил его Цетлин. – В теории я все равно ничего не смыслю. У тебя есть какие-нибудь реальные доказательства того, о чем ты говоришь, кроме этой неработающей мыльницы?

Сейт показал Цетлину зеленую коробочку.

– Это преобразователь пси-энергии.

– Тоже временно не работающий, – понимающе улыбнулся Цетлин.

– Надеюсь, что преобразователь в исправности. – Сдавлив пси-преобразователь в руке, Сейт почувствовал, как он в ответ слегка завибрировал. – Вообще-то его трудно сломать, – улыбнулся Сейт.

– Это уже интересно, – несколько оживился Цетлин. – И на что способен этот преобразователь?

– Прибор служит для преобразования психической энергии человека в любые другие виды энергии. – Сейт взял с тумбочки карандаш. – Ты позволишь использовать его для демонстрации?

– Да ради бога! – с готовностью согласился заинтригованный скульптор.

Сейт взял карандаш за заточенный конец и провел поперек него пси-преобразователем. Заточенная половинка карандаша с тихим стуком упала на покрытый вытертым линолеумом пол.

– Это пример преобразования пси-энергии в механическую работу, – сделал необходимое пояснение Сейт.

Цетлин поднял с пола обрезанный черенок, погладил пальцем гладкое, как будто отшлифованное, место среза и совершенно по-новому, с интересом посмотрел на Сейта.

– Впечатляет, – сказал он. – А что-нибудь потолще карандаша перерезать сможешь?

– Все, что угодно, – уверенно улыбнулся Сейт.

Цетлин нырнул под койку и выволок оттуда пудовую гирю.

– Ну-ка, попробуй! – предложил он, поставив гирю на пол возле койки.

Сейт провел пси-преобразователем по гире, и она распалась на две равные половины, каждая из которых гулко стукнулась о пол.

– Впечатляет! – Цетлин вцепился всей пятерней в бороду так, словно собирался вырвать ее. – И человека можно точно так же, пополам?

– Нет, – отрицательно качнул головой Сейт. – Пси-поле человека блокирует работу пси-преобразователя. На человека им можно воздействовать по-иному. Покажи-ка свой шов.

Цетлин с готовностью распахнул полы куртки.

– Повязку тоже снять? – спросил он.

– Пока не надо.

Сейт приложил пси-преобразователь поверх марлевой повязки и замер, полуприкрыв глаза.

Вначале Цетлин абсолютно ничего не чувствовал, но спустя минуту начал тихо посмеиваться.

– Щекотно, – ответил он на вопросительный взгляд Сейта.

– Значит, пора снимать повязку, – сказал Сейт, убирая пси-преобразователь.

Очень осторожно, двумя пальцами, Цетлин начал отклеивать кусочек марли.

– Смелее, – подбодрил его Сейт.

Сняв повязку, Цетлин недоверчиво погладил рукой бледно-розовый шрам, оставшийся на месте незаживавшего шва.

– А где же ниточки? – растерянно посмотрел он на Сейта.

– Наверное, на повязке остались, – с улыбкой ответил тот.

Цетлин развернул скомканную марлю. На ней действительно лежали завязанные узелками пять шелковых ниточек.

– Нет слов! – восхищенно развел руками Цетлин.

– Шрам тоже можно убрать, – сказал Сейт. – Только для этого потребуется чуть больше времени.

– Дай-ка посмотреть, – Цетлин почти выхватил пси-преобразователь из рук Сейта и быстро осмотрел прибор со всех сторон.

На поверхности плоской коробочки, сделанной из какого-то чрезвычайно прочного пластика, не было ни кнопок, ни переключателей, ни верньеров, ни даже контрольных огоньков – вообще никаких выступающих деталей.

– От батарейки работает? – спросил Цетлин, чтобы не выглядеть полным профаном.

– Прибор работает без дополнительных источников энергии. Это же просто преобразователь.

– Ничего себе – просто!

Сосредоточенно насупив брови, Цетлин взмахнул пси-преобразователем, словно мечом, явно намереваясь рассечь койку надвое. Но, к величайшему его удивлению, койка осталась цела.

– С первого раза не получится, – покачал головой Сейт. – Для того чтобы пользоваться пси-преобразователем, требуется определенный навык.

Цетлин скорчил недовольную гримасу и вернул пси-преобразователь Сейту.

– Но теперь-то ты мне веришь? – с надеждой посмотрел на соседа по палате Сейт.

Цетлин задумчиво почесал бороду и закатил глаза к белому больничному потолку. В правом углу на потолке имелось большое желтое пятно, по форме похожее на очертания Австралии, – след от недавней протечки. Скользнув взглядом по западной оконечности материка, Цетлин вновь посмотрел на Сейта.

– На 75 процентов, – сказал он и заговорщицки подмигнул пришельцу из будущего.

– Что ж, тоже неплохо, – немного натянуто улыбнулся инспектор.

– А теперь слушай меня внимательно. – Цетлин присел на край свободной койки и посмотрел на своего собеседника серьезно, как никогда прежде. – Если расскажешь все это врачам, они тебя упекут в сумасшедший дом, и выберешься ты оттуда очень не скоро, если, конечно, вообще когда-нибудь выберешься. Если ты к тому же продемонстрируешь кому-нибудь свой пси-преобразователь, то тебя увезут в другое место, далеко и надолго, возможно, что и навсегда. Следовательно, действовать будем так: на все вопросы отвечай: «Не помню. Не знаю». Короче, прикинься, что у тебя начисто отшибло память. Потянем пока время и будем соображать, что делать. Читал Чернышевского?.. По глазам вижу, что нет. Ну, да бог с ним, сами что-нибудь сообразим.

Кто бы мог сказать, верил ли Цетлин в эту минуту тому, что рассказал ему сосед по палате? Про XVII век, про XXII век, про временную спираль? Цетлин и сам не смог бы ответить на этот вопрос. Конечно, с одной стороны, мушкетерский костюм, пси-преобразователь, затянувшаяся за одну минуту незаживающая рана, шрам на месте которой в любой момент можно было потрогать рукой... Но, с другой стороны, на него упруго давила инертность сознания взрослого и в меру серьезного человека, твердо уверенного в том, что пришельцы из будущего, равно как и из прошлого, могут появляться только в фантастических романах и фильмах. Скорее всего, Цетлин просто решил включиться в интересную игру, приняв те условия, которые предлагал ему странный сосед по палате.

Ну, очень скучно было в Кипешме!

Глава 6

Дверь отворилась, и в палату в сопровождении Аллочки вошел дежурный врач – высокого роста, плотного телосложения, с выступающим брюшком и наметившейся лысиной, любимец всей больницы, добрейший Александр Петрович Зимаков.

– Ну-с, как наш больной? – спросил он, подходя к кровати, на которой сидел Сейт.

Проведя обычный в таких случаях осмотр, Зимаков остался вполне доволен результатами. С его точки зрения, пациент был абсолютно здоров. Зимакова ничуть не смущал тот факт, что Сейт почти ничего не помнил из своей биографии, поскольку неизвестно было, помнил ли он что-нибудь о себе прежде, до того, как попал в больницу. Прописав больному успокаивающее и витамины, Зимаков переключил свое внимание на Цетлина.

– А как ваш шовчик? – поинтересовался он, потирая руки.

Цетлин обеими руками схватился за бок и сделал страдающее лицо.

– Ноет, – сообщил он доверительным тоном. – И по ночам дергает. Если можно, доктор, обезболивающий укольчик на ночь?

– Напомните сестре, – взглядом указал на Аллочку Зимаков. – А завтра, не забудьте, на перевязочку!

Когда врач и сестра вышли из палаты, Сейт рассказал Цетлину всю свою историю, начиная с того, как, находясь во Франции XVII века, он решил самостоятельно задержать контрабандиста Марина.

– ...Мы две недели просто наблюдали за ним, и никто не мог внятно объяснить мне, для чего это нужно. В любой момент Марина легко можно было взять с полочным. Но всем остальным в нашей группе такая работа, похоже, даже нравилась: тихо, спокойно, никакой ответственности. А мне каково, если я всего лишь младший инспектор и это мое первое оперативное задание? Так ведь можно и всю жизнь просидеть на одном месте, ожидая, когда представится случай проявить себя!..

– Понятное дело, – с сочувствием кивал Цетлин. – У нас то же самое. Все самые выгодные заказы загребают старики, успевшие сделать себе имя, а остальным приходится выбирать из того, что осталось.

По мнению Цетлина, все, что он слышал, здорово смахивало на бред сумасшедшего, свихнувшегося на чтении фантастики. Однако не так просто было сбросить со счета пси-преобразователь, работу которого он лично наблюдал.

Заканчивалась история тем, как, попавшись на уловку Марина, младший инспектор Департамента контроля за временем Сейт оказался в XX веке на мостовой Кипешмы.

– И что же ты теперь собираешься делать? – спросил Цетлин, когда Сейт закончил свой рассказ.

– В Департаменте никому и в голову не придет искать меня в конце XX века. А я не имею возможности сообщить о себе, потому что не знаю здесь ни одной точки контакта. Все, что мне остается, – попытаться вновь запустить темпоральный модулятор, хотя на первый взгляд он полностью сгорел после первого же хроноброска.

– Но ты говорил, что у этого темпорального модулятора нет каких-то там стабилизаторов пространства, – напомнил Цетлин, – отсутствует направление линии времени, не хватает чего-то еще...

– По времени нельзя передвигаться, как по ровной и прямой дороге, – объяснил Сейт. – Можно только совершать прыжки с одного витка временной спирали на другой. Из XVII века я переместился в XX. На большее эта мыльница, я думаю, просто не способна. Если с ее помощью я смогу переместиться на виток вперед, то попаду к себе домой, – направляясь в будущее, невозможно попасть дальше того времени, которому принадлежит темпоральный модулятор.

А переместившись в прошлое, я имею шанс попасть либо в XVII век, либо в начало XIX. Там я постараюсь добраться до Франции, где имеются известные мне точки контакта.

– А почему бы тебе не остаться у нас? – спросил Цетлин. – Так безопаснее. А со временем тебя, быть может, и отыщут.

– И все это время изображать из себя чудака с отшибленной памятью? – невесело усмехнулся Сейт.

– Да, перспектива не из лучших, – вынужден был согласиться Цетлин. – Так что там с твоим темпоральным модулятором?

Прежде чем ответить, Сейт еще раз заглянул в мыльницу. Электронная начинка выглядела так, словно внутри ее взорвалась петарда.

– Чтобы разобраться с ним, мне потребуются инструменты. Вероятнее всего, некоторые детали придется заменить. Было бы неплохо посмотреть справочную литературу по электронике вашего времени, чтобы знать, на что я могу рассчитывать.

– Это я тебе организую, – уверенно пообещал Цетлин.

Глава 7

После обеда больным по расписанию полагался отдых. Воспользовавшись затишьем, Цетлин сбежал в город, что не составляло большого труда, поскольку палата находилась на первом этаже и окна ее выходили на задний двор с цветущей акацией и контейнером гниющих пищевых отходов. Вернулся он часа через три, неся на каждом плече по сумке. В одной лежали инструменты городского радиолобителя Пырькина, которые Цетлин у него отобрал почти силой, клятвенно пообещав при этом вернуть не позже чем через неделю. Во второй находились трофеи из городской библиотеки, из которой Цетлин изъясил всю литературу по радио- и электротехнике, включая три годовые подшивки журнала «Радио».

Ремонт темпорального модулятора занял у Сейта четыре дня. В аппарате, вопреки его наилучшим опасениям, вышло из строя не так уже много функциональных элементов. Но, поскольку необходимых для ремонта мини-чипов в XX веке попросту не существовало, Сейту пришлось взамен им собирать громоздкие схемы из тех радиодеталей, которые приносил ему Цетлин все от того же Пырькина. Отвлекали Сейта от работы и ежедневные осмотры врачей, которых с каждым днем становилось все больше, и периодические визиты милиции. Хорошо еще, что Цетлин взял на себя кропотливый труд заполнения многочисленных тестов, которыми в огромном количестве снабжали потерявшего память пациента невропатологи и психиатры, пытавшиеся докопаться до истоков его болезни.

Когда Сейт решил, что темпоральный модулятор полностью восстановлен и готов к эксплуатации, аппарат размещался уже не в упаковке от мыла, а в коробке из-под зимних женских сапог. В качестве источника энергии, взамен напрочь сгоревшего микроконденсатора, Поль выбрал аккумулятор от «Жигулей». Заряженный аккумулятор стараниями Цетлина был уже доставлен в больничную палату и стоял под свободной койкой. Но прежде чем пускать его в дело, нужно был собрать выравнитель импульса.

То, что удалось совершить Сейту, скорее всего, оказалось бы не по плечу более опытному инспектору, прослужившему в Департаменте не один год и привыкшему пользоваться темпоральным модулятором, как любым из бытовых автоматов: главное, знать, в какой последовательности следует поворачивать ручки и переключать клавиши. Сейт же, не так давно сдававший последний экзамен по прикладной темпористике, пока еще помнил не только общий принцип действия темпорального модулятора, но и его устройство.

Больше всего сомнений вызывал у Сейта расчет мощности импульса, который нужно было подать от аккумулятора на темпоральный модулятор. В конце концов Сейт решил дать максимально возможный импульс, надеясь на то, что если темпоральный модулятор и сгорит, то снова восстанавливать его уже не придется.

Сейт работал всю ночь при свете ночника. Уже на рассвете он в последний раз проверил надежность всех соединений и паек.

– Ну что ж, все как будто в порядке, – сказал он, взглянув на своего соседа.

Цетлин достал из тумбочки бледно-голубые заношенные джинсы, клетчатую рубашку и старые кроссовки.

– Переоденься, – протянул он одежду Сейту. – Костюм не вполне соответствует той эпохе, куда ты направляешься, но все же лучше, чем больничная роба.

Больничную пижаму Сейт сложил на краю аккуратно застеленной кровати. Рядом с тумбочкой поставил тапочки. Достав из-под подушки пси-преобразователь, положил его в нагрудный карман рубашки, застегивающийся на пуговицу.

– Вот, кажется, и все, – Сейт еще раз огляделся по сторонам, чтобы убедиться, что ничего не забыл.

Он сел на край кровати и поставил себе на колени коробку с темпоральным модулятором.

Цетлин вытянул из-под кровати аккумулятор и взял в руки концы проводов от выравнивателя импульса.

– Ну что, поехали? – вопросительно посмотрел он на Сейта.

– Поехали, – кивнул Сейт.

Цетлин сосредоточенно сжал губы, чуть прищурил глаза и поднес провода к клеммам аккумулятора.

Глава 8

Сейт вынырнул из-под воды и жадно глотнул воздух.

Спустя пару секунд рядом с ним на поверхности воды появилась еще одна голова с лицом, облепленным длинными мокрыми волосами.

– Михаил? – выдохнул Сейт.

– Он самый, – Цетлин ладонью отбросил волосы с лица, которое сияло, как начищенный пятак. – Ты знаешь, я до самой последней секунды сомневался в том, что твой темпоральный модулятор сработает! А уж на то, что ты и меня с собой прихватишь, даже и не надеялся!

Сейт глотнул воздуха, словно готовясь снова уйти под воду.

– Это моя вина! – в сердцах ударил он ладонью по воде. – Я не имел возможности проверить равномерность распределения поля хроноброска и понадеялся на распределитель из старой схемы. Да и все равно мне нечем было его заменить! По-видимому, он сгорел в первый же момент, когда я еще оставался в твоём времени, и вырвавшийся протуберанец поля хроноброска захватил тебя.

– Хорошо еще, что целиком захватил, а не разорвал пополам, – весьма рассудительно заметил Цетлин. – А то получилось бы: голова в XVII веке, а ноги – в XX.

– Такого не могло случиться. Тебя бы «вытянуло» в то или иное время, в зависимости от мощности поля хроноброска. – Сейт снова ударил рукой по воде, давая выход раздражению и злости. – Прости, Михаил!

– Да кончай ты извиняться! – недовольно поморщился Цетлин. – Не время сейчас рвать на себе волосы! Я не буду на тебя в обиде, если мы не пойдём ко дну и нас не съедят акулы. Вода – соленая, море – теплое, солнце – в зените: похоже, что мы где-то в тропиках.

Загребая одной рукой, Цетлин принялся стаскивать с себя больничную пижаму.

Сейт выпрыгнул из воды вверх как можно выше и, вытянув шею, огляделся по сторонам.

– Берег! – радостно воскликнул он. – Я видел деревья! Не так далеко! Доплывем!

– Ага, – с готовностью кивнул Цетлин. – Если только акулы нас не сожрут!

– Не сожрут, – пообещал Сейт. – Акул я беру на себя. Я проходил пси-подготовку и знаю, как не подпустить к себе дикого зверя.

– Так то ж зверя, а акула – это рыба! – резонно возразил Цетлин. – Безмозглая притом! Для нее твоя пси-защита, что дробь для слона. Подплывет снизу незаметно – и хватить за ногу! Ты фильм «Челюсти» видел? – Сейт отрицательно мотнул головой. – Вот то-то и оно! Рекомендую, посмотри. Это надолго отобьет у тебя интерес к дальним заплывам.

Но разговоры разговорами, а так или иначе, нужно было плыть.

Море было спокойным, и если бы не постоянные причитания Цетлина, с обреченностью приговоренного ожидавшего появления стаи прожорливых акул, то получасовой заплыв мог бы показаться Сейту даже приятным.

Наконец, нырнув в очередной раз, чтобы проверить, нет ли поблизости акул, Цетлин увидел под собой песчаное дно. Проплыв еще несколько метров, пловцы смогли встать на ноги. Медленно, разгребая воду руками, пошли они к берегу, до которого оставалось еще метров двести.

Расстояние до берега сократилось наполовину, когда на живописно декорированный пальмами песчаный пляж выбежала группа людей, всю одежду которых составляли чисто символические набедренные повязки и юбочки из травы. Бегающая по берегу, она что-то громко кричала и размахивала руками, то и дело указывая в сторону пришельцев, явившихся из вод морских.

– По-моему, это не XXII век. – Цетлин остановился и, словно испуганный ребенок, схватил своего спутника за руку. – И даже не XX.

– Следовательно, нас выбросило в XVII век, – логично завершил его мысль Сейт.
– Нас сейчас или съедят, изжарив на костре, или принесут в жертву каким-нибудь местным богам, – с убийственной мрачностью спрогнозировал Цетлин.

– С каких это пор ты стал пессимистом? – удивленно посмотрел на него Сейт.

– Что поделаешь, – патетически развел руками художник. – Прежде мне не доводилось бывать в прошлом. В своих предположениях я исхожу из того, что мне удалось узнать об обычаях и нравах диких островитян из книг и кинофильмов. А известно мне то, что всех пришельцев они первым делом пытаются попробовать на вкус!

– Так уж и всех? – с сомнением прищурился Сейт.

– Единственным исключением, о котором я слышал, был Миклухо-Маклай, – подумав, ответил Цетлин. – Но сей факт вовсе не ломает общей закономерности.

– Ну и что ты предлагаешь? – поинтересовался Сейт.

– Не знаю, – несмотря на жару, Цетлин зябко передернул голыми плечами. – Просто хочу сказать, что мне все это не нравится.

– В таком случае пошли дальше. – Не дожидаясь, какое решение примет Цетлин, Сейт снова зашагал по направлению к суше. – Все равно деваться нам некуда.

Тем временем с десяток туземцев, что-то громко выкрикивая, вошли в воду и двинулись навстречу незадачливым путешественникам во времени.

– Ты случайно не понимаешь, что они там кричат? – спросил Цетлин.

Сейт отрицательно покачал головой.

– А пси-преобразователь? – Цетлин вновь, теперь уже с надеждой, схватил своего спутника за руку. – Он от воды не испортился? Держи его наготове!

Сейт устало вздохнул:

– Единственный способ использовать пси-преобразователь в качестве оружия – это ударить им противника по затылку.

– Ты не понял! – протестующе затряс головой Цетлин. – Мы не будем никого калечить, просто сотворим для аборигенов какое-нибудь простенькое чудо! Например, туземец замахивается на тебя копьем, а ты его – раз! – и пополам!.. Копье то есть.

– Да у них же нет никаких копий, – еще раз взглянув в сторону приближающихся туземцев, заметил Сейт.

– Как это – нет? – брови Цетлина возмущенно взлетели к середине лба. – Почему?

Казалось, художник был обижен в лучших чувствах. Он был готов дать бой кровожадным каннибалам, а островитяне, спешившие к ним навстречу, приветливо улыбались, и в руках у них в самом деле не было никакого оружия. И даже лица их не украшали устрашающие боевые узоры. Напротив, лица аборигенов были открытыми и симпатичными.

– Иа ора на! Иа ора на! – улыбаясь, радостно кричали туземцы.

Добравшись до двух усталых путешественников во времени, островитяне не набросились на них с ножами и вилками, а стали помогать им идти к берегу. При этом аборигены что-то без умолку лопотали, весело смеялись и ободряюще похлопывали пришельцев по плечам и спинам.

На берегу Цетлина и Сейта обступила целая толпа островитян, каждый из которых считал своим долгом дружески похлопать гостей, всем своим видом показывая, как он рад, что они наконец-то прибыли. Сейт пытался говорить с аборигенами на всех известных ему языках, но ответом ему всякий раз было только полное непонимание. Цетлин, убедившись, что его не собираются тут же на берегу разделять на шашлык, обрел свой обычный оптимизм и, расчесав пятерней волосы, принялся по-русски троекратно расцеловывать островитянок, подививших к нему для выражения своего восторга. Островитянки, следует признать, были весьма недурны собой и одеты, между прочим, только в коротенькие юбочки из травы. Расцеловываясь и раскланиваясь направо и налево, Цетлин усердно изображал из себя светского человека,

ничуть не смущаясь тем, что из одежды на нем имелись только красные спортивные трусы с белыми лампасами.

Когда церемония знакомства была наконец завершена, гостей повели в сторону расположенных неподалеку хижин. Дома стояли кругами, образуя в центре некое подобие площади, на которой уже горели костры и готовилась праздничная еда. Гости усадили на небольшом возвышении, рядом с маленьким, седовласым старичком, к которому все обращались с чрезвычайным почтением. «Староста», – тут же окрестил старичка Цетлин.

Староста что-то отрывисто крикнул, и две молоденькие островитянки надели на шею гостям пышные цветочные гирлянды. Цетлин встал и, придерживая одной рукой гирлянду, поднял другую высоко вверх, как это обычно делает победитель велокросса, когда ему на шею надевают лавровый венок. Аборигены взвыли от восторга. Овации, продолжавшиеся после этого в течение нескольких минут, не давали Цетлину сесть. Опустившись наконец на свое место, он легонько толкнул локтем в бок своего как будто загрустившего спутника.

– Жан-Поль, – сообщил он заговорщицким полусшепотом, – мне здесь нравится.

– Мне тоже нравится, – кивнул в ответ Сейт. Вот только улыбнулся он при этом как-то не очень весело. – Судя по тому, что я не вижу вокруг себя ни одного металлического предмета, мы с тобой являемся первооткрывателями этого острова. Похоже, мы оказались где-то в Полинезии.

– Полинезия так Полинезия, – легко согласился с таким выводом Цетлин. – На мой взгляд, местные дикари – очень даже симпатичные ребята. А дикарик...

– Меня беспокоит вопрос о том, как мы будем отсюда выбираться? – перебил приятеля Сейт.

Цетлин неопределенно пожал плечами и попытался придать лицу выражение озабоченности, но получилось у него это не очень убедительно. Он не стал спорить с Сейтом, но про себя решил, что этот остров, быть может, и не земля обетованная, но все же далеко не самое худшее место на планете, поэтому и не стоит спешить покидать его. Цетлин вообще не имел привычки торопить время, считая, что если не мутить воду зря, то со временем все так или иначе само собой образуется наилучшим образом.

Празднество в честь гостей, прибывших весьма неожиданно, но тем не менее оказавшихся столь желанными, словно их давно и с нетерпением ждали, продолжалось весь день и закончилось только поздно ночью, уже при свете костров. Перемены блюд следовали одна за другой. На широких пальмовых листьях гостям подносили тушки птиц, зажаренных на вертелах и обсыпанных местными ароматными травами, мясо, по вкусу похожее на свинину, запеченное со сладким картофелем, свежие фрукты и только что испеченные лепешки, отварную рыбу в прозрачном душистом бульоне и омаров, которые не далее как полчаса тому назад разгуливали себе преспокойно по морскому дну, даже и не думая о том, что им суждено стать украшением стола на чужом пиру. После диетического больничного питания оба бывших пациента кипешминской больницы отъедались вволю.

Трапеза проходила в сопровождении пения островитян, тянувших одну и ту же бесконечно длинную мелодию, то ускоряя, то почти останавливая темп. Когда песня становилась более темпераментной, в центр круга, образованного пирующими, со страшными криками выскакивали несколько воинственно раскрашенных островитян. Размахивая руками и высоко подбрасывая согнутые в коленях ноги, они носились по кругу, громко выкрикивая что-то весьма агрессивное. Затем мелодия успокаивалась, становилась более медленной, и на площадку, ритмично покачивая бедрами, выходили девушки в юбках из белых перьев, разлетающихся в стороны в ритме танца.

Глядя на все это, Цетлин окончательно утвердился во мнении, что жизнь прекрасна и удивительна.

Глава 9

Следующий день был посвящен изучению местности. Экскурсия проходила в сопровождении троих взрослых островитян и веселой стайки ребятишек.

Остров оказался не слишком большим. Почти в самом центре его возвышался потухший вулкан с двумя черными пиками скал на вершине. Поднявшись по склону, путешественники увидели темно-синее, похожее в неподвижности своей на слюдяную пластинку озеро, лежащее в неглубокой чаше кратера. По берегам озера шелестели заросли высокого тростника.

С вершины вулкана можно было окинуть взглядом весь остров, покрытый зеленью тропической растительности, с желтой каймой песка вдоль берега и бесконечной, сливающейся с небом, синевой океана.

Что-то старательно объясняя гостям, островитяне размахивали руками и тщательно артикулировали свою речь. Но Сейт, как ни старался, не мог найти с ними общего языка.

Гораздо быстрее это получилось у Цетлина, который вполне сносно объяснялся с островитянами на языке жестов и даже пытался повторять за ними отдельные слова, чем неизменно приводил своих учителей в неописуемый восторг.

Спустившись с горы, путешественники вместе с провожатыми направились на побережье, где по просьбе Цетлина для них устроили смотр островного флота.

– Эти лодочки годятся только для каботажного плавания вокруг острова, – сделал свое заключение Сейт, взглянув на узкие долбленые каноэ, которыми островитяне пользовались для рыбной ловли.

– А позвольте полюбопытствовать, куда вы собрались плыть? – ехидно поинтересовался Цетлин.

– В Европу! – рявкнул в ответ Сейт.

– Не горячись, Жан-Поль, – Цетлин успокаивающе похлопал приятеля по плечу. – Что толку от того, что мы будем кидаться друг на друга. Давай исходить из реальных условий. Судя по всему, мы оказались в XVII веке, где-то в Полинезии... Кстати, а где находится Полинезия?

– В Тихом океане, – ответил Сейт.

Цетлин присел на корточки и пальцем начертил на песке контуры материков. Аборигены, тут же обступившие его со всех сторон, с изумлением и восторгом следили за его действиями.

– Вот – Тихий океан, – Цетлин ткнул пальцем между контурами Америки и Азии. – Ты можешь показать, где мы находимся?

– Нет, – угрюмо ответил Сейт.

– Ну, нет так нет, – не стал настаивать Цетлин. – Значит, мы находимся на одном из островов Тихого океана, который, скорее всего, еще не открыт мореплавателями. Ты желаешь оказаться в Европе. Отлично! Я тоже не против! Вопрос только в том, как мы туда попадем?

– Не знаю, – раздраженно дернул плечом Сейт. – Но надо же как-то отсюда выбираться!

– Как? – беспомощно развел руками Цетлин. – Изобрести самолет?

– Можно построить плот!

– И что дальше? Это же океан, а не пруд! Тебе приходилось плавать по океану на плоту? Скажи мне хотя бы, в какую сторону ты собираешься плыть, Тур Хейердал?

– Но нельзя же просидеть здесь до конца жизни! – в отчаянии всплеснул руками Сейт.

– А почему бы и нет? – недоумевающе посмотрел на него Цетлин. – Я лично совсем не против! Климат здесь благоприятный, народ – дружелюбный... – заметив выражение глухой ярости на лице своего спутника, Цетлин сделал паузу, после чего повернул разговор в несколько более обнадеживающее русло. – XVII век – эпоха Великих географических открытий. Может быть, через пару лет наш остров откроют какие-нибудь испанцы или голландцы.

Вот тогда и махнем в Европу! А пока можно посвятить себя изучению жизни аборигенов, чтобы написать потом ученый труд.

– Я не этнограф, чтобы изучать жизнь аборигенов! – не сдержавшись, снова закричал Сейт. – Я инспектор Департамента контроля за временем!

– В таком случае могу предложить тебе заняться организацией системы безопасности острова, – тут же нашел выход из положения Цетлин. – Не исключено, что на него могут высидеться пираты...

– Ты можешь говорить серьезно? – с тоской посмотрел на своего спутника Сейт.

– Куда уж серьезнее? – усмехнулся Цетлин. – Если бы даже мы не утопили темпоральный модулятор, то вряд ли нам удалось бы запустить его еще раз. Можно сказать, что мы счастливо отделались. Сидим здесь на солнышке, сытые, никем не обиженные. А могли бы сейчас рыб кормить, окажись мы чуть подальше от острова. Хоть этому мог бы порадоваться! Для тебя большая разница, где прозябать – здесь или в XX веке, в Кипешме? Заявляю тебе авторитетно: здесь лучше! Атмосфера здоровее. Что мы можем предпринять, чтобы выбраться с этого острова или из этого времени? Мне лично ничего дельного в голову не приходит. Если тебе удастся что-то придумать, клянусь, я буду помогать тебе со всем усердием, на какое способен! В конце концов, если ты действительно инспектор Департамента контроля за временем, то я – просто художник.

– Хорошо, Михаил, давай не будем ссориться, – уже более спокойно, понимая, что и в самом деле погорячился, произнес Сейт. – Должно быть, я хуже тебя адаптируюсь к новым условиям.

– Ладно, чего уж там, я тоже наговорил лишнего, – Цетлин оглянулся на островитян, которые, рассевшись на песке, с интересом наблюдали за перепалкой двух белых пришельцев. – Пошли-ка в деревню, ребята! Что-то я проголодался. Что у нас сегодня на обед?

Глава 10

Цетлин действительно обладал уникальными адаптационными способностями. На третий день своего пребывания на острове он, как все остальные, стал носить поверх красных трусов короткую юбочку из травы. Через неделю он уже мог вполне сносно объясняться с островитянами на их языке. А к концу второй недели решил, что неудобно так долго злоупотреблять гостеприимством Старосты, в доме которого они с Сейтом жили с момента своего появления на острове, и с помощью островитян приступил к строительству собственного дома.

Сейт, похоже, тоже начал понемногу привыкать к мысли, что, хочет он того или нет, придется какое-то время пожить на острове. Чтобы хоть чем-то себя занять, он тоже присоединился к строительству. Если раньше Цетлин приводил в восторг местных жителей своей бородой и способностью произносить слова на понятном им языке, то теперь Сейт поверг их в благоговейный трепет, применив на практике свой пси-преобразователь, с помощью которого можно было не только раскалывать камни и валить деревья, но и выполнять более тонкую работу, вплоть до снятия аккуратной полупрозрачной стружки и полировки поверхности. Цетлин хотел было даже украсить косяк дверного проема резным орнаментом в традиционном русском стиле, но, выяснив, что работа с пси-преобразователем требует определенных навыков и немалой сноровки, временно отказался от своей затеи.

После торжественно отпразднованного новоселья Цетлин заявил, что не может и далее даром есть свой хлеб, и, переговорив с местными мужчинами, отправился с ними на рыбную ловлю.

Его высадили на берег через полчаса, бледного и едва держащегося на ногах.

– Увы, я не моряк, – только и смог сказать он в свое оправдание, прежде чем рухнуть на песок.

Впрочем, приступ морской болезни вскоре миновал, и Цетлин, скрываясь от насмешливых взглядов вернувшихся с уловом рыбаков, ушел бродить по склонам вулкана. С собой он прихватил пси-преобразователь Сейта, сказав, что собирается попрактиковаться в обращении с ним.

Вернулся он поздно вечером в весьма приподнятом расположении духа. На вопрос Сейта, чем вызвано такое хорошее настроение, Цетлин загадочно улыбнулся и ответил, что пока это секрет.

На следующее утро он снова ушел, прихватив с собой еду и пси-преобразователь, и вернулся только под вечер, когда уже начало темнеть.

Так продолжалось несколько дней.

Однажды, вернувшись домой раньше обычного, Цетлин пригласил Сейта прогуляться на следующий день вместе с ним.

Утром Сейт наконец-то увидел, чем занимался его приятель целую неделю.

Среди зарослей низкорослого кустарника, прижавшись спиной к склону горы, стоял вырезанный из серого вулканического туфа пятиметровый идол. Это было очень условное изображение человека. Длинное продолговатое тело без плеч, по бокам которого обозначены руки. Плоские ладони с длинными пальцами сложены на животе. Прямо на плечи, без намека на шею, водружена цилиндрическая голова с вытянутым вниз подбородком и плоской, как будто срезанной макушкой. Уши с отвислыми мочками плотно прижаты к голове. Прямой нос с вывернутыми африканскими ноздрями, такие же широкие, плоские африканские губы. Два глубоких провала на месте глаз, очерченные сверху одной широкой надбровной дугой. Фигура казалась удивительно спокойной и одновременно как будто державшейся настороже. Отсутствие у нее глаз производило впечатление некой потусторонней отрешенности, нездешности.

Сейт долго задумчиво глядел на идола.

– У меня такое чувство, что я его где-то видел, – задумчиво произнес он, проведя пальцами по подбородку, на котором у него уже начала кудрявиться короткая борода.

– Конечно, видел, – довольно улыбнулся Цетлин. – Я воспроизвел по памяти одну из статуй с острова Пасхи.

– Точно! – хлопнул ладонью о ладонь Сейт. – Я ведь сотни раз видел их по визору! Тебе доводилось бывать на острове Пасхи? – вопрошающе посмотрел он на Цетлина.

– Я ни разу в жизни не покидал просторов моей необъятной родины! – с напыщенной гордостью выдал скульптор. – Тоже по телевизору видел, фотографии в книгах... Ну и как ты оцениваешь мою работу?

Сейт еще раз внимательно осмотрел статую.

– Честно говоря, я не вижу смысла в копировании, – не очень уверенно произнес он.

– Чудак ты, – усмехнулся Цетлин. – Я же сделал этого идола просто для практики, чтобы освоиться с новым инструментом. Работать с пси-преобразователем, скажу я тебе, одно удовольствие. Сам все делает за тебя, нужно только четко представить, что именно ты хочешь получить в итоге. Вторую такую статую я смог бы вырубить из камня всего за полдня! – воссоздавая состояние легкого аффекта, Цетлин поцеловал коробку пси-преобразователя. – Кстати, аборигены, не в пример тебе, чрезвычайно высоко оценили мое творчество, – добавил он со сдержанной гордостью скромного гения. – Староста даже спросил, не имею ли я возражений против того, чтобы эта статуя украсила одно из священных мест острова. Ты видел их, это те самые каменные плиты, которых полным-полно по всему берегу.

– И как ты к этому отнесся? – с серьезным видом спросил Сейт.

– Я, конечно, не против, – Цетлин застенчиво потупил взгляд. – Статуя и в самом деле удалась. Только как дотащить такую громадину до берега?

Сейт внимательно осмотрел идола со всех сторон и даже похлопал его ладонью по животу, после чего сказал:

– Пожалуй, я мог бы помочь с транспортировкой.

– Ты? – удивленно посмотрел на него Цетлин. – Каким образом?

– Увидишь, – Сейт загадочно подмигнул приятелю и взглядом указал на группу ребятишек, которые, как всегда, увязались следом за странными чужаками. – Пошли кого-нибудь из них в деревню. Пусть приведет с собой Старосту и еще человек десять мужчин.

– Посильнее? – спросил Цетлин.

– Поумнее, – усмехнулся Сейт.

Цетлин юмора не оценил.

Подозвав к себе голого мальчонку лет семи, он, медленно и тщательно подбирая слова, стал объяснять посыльному, что от него требовалось. Под конец он показал ему две пятерни с растопыренными пальцами. Мальчик быстро закивал головой, что-то крикнул своим друзьям и через мгновение скрылся в кустах.

В ожидании подмоги Цетлин и Сейт устроились в тени у подножия истукана. Сейт сорвал травинку и, сунув ее в угол рта, блаженно зажмурился. Он ждал расспросов Цетлина, но тот изо всех сил сдерживал себя, старательно фиксируя на лице выражение полного безразличия. Но хватило его ненадолго.

– Все-таки как ты собираешься тащить к берегу этого истукана? – непонимающе развел руками Цетлин. – В нем же тонн двадцать веса.

– Когда используешь психотехнику, вес груза, который ты собираешься переместить, не имеет значения, – ответил, чуть приоткрыв глаза, Сейт. – Главное – создать достаточное по объему пси-поле. В этом мне и должны помочь аборигены.

Цетлин недоверчиво посмотрел на Сейта, затем перевел взгляд на каменного идола.

– Думаешь, островитяне владеют пси-техникой?

– От них этого и не потребуется, – ответил Сейт. – Пси-поле есть у каждого человека, независимо от того, знает он об этом или нет. Но, к примеру, твое пси-поле для передвижения статуи использовать нельзя.

– Это почему же? – обиженно насупился Цетлин.

– Да потому что ты не веришь в то, что ее можно сдвинуть с места. А аборигенов, с их детской непосредственностью и верой в чудеса, убедить в этом не составит труда. Убеждать, кстати, придется тебе.

– Как же я смогу их в этом убедить, если и сам не верю?

– Скажи им, что я великий колдун, – предложил Сейт.

Цетлин не успел ничего ответить. На тропинке, петляющей меж зарослей густого кустарника, показался Староста. Следом за ним тянулась цепочка островитян, которых оказалось никак не меньше двадцати человек, – все как на подбор молодые крепкие мужчины.

– Десяти будет вполне достаточно, – сказал, быстро поднимаясь на ноги, Сейт. – Остальные пусть отойдут в сторону, иначе они будут только мешать.

Цетлин перевел слова Сейта Старосте.

Среди островитян тут же разгорелся оживленный спор. Все одновременно кричали и махали руками друг на друга. Ни один из них не желал уступать другому право участвовать в передвижении статуи. В конце концов Старосте пришлось применить власть. Отобрав по собственному усмотрению десять человек, он взмахом руки отогнал остальных прочь. Сделав это, Староста подошел к Сейту и что-то сказал. Сейт, все еще плохо понимавший язык аборигенов, посмотрел на Цетлина.

– Он спрашивает, что должны делать эти люди? – перевел вопрос старосты скульптор.

– Скажи ему, что по моему приказу эта статуя сама пойдет к берегу, – распорядился Сейт. – Только скажи это как можно более убедительно, чтобы у Старосты даже сомнений не зародилось в том, что я могу заставить статую двигаться!

Цетлин перевел островитянам слова Сейта.

Староста слушал внимательно, время от времени наклоняя голову в знак того, что ему все ясно, и искоса с интересом поглядывал на человека, который собирался двигать статую. Но при этом на лице его не мелькнуло даже тени сомнения.

Выслушав Цетлина до конца, Староста махнул рукой в сторону отобранных им десяти островитян и стал что-то быстро говорить, показывая рукой то на них, то на статую.

– Он говорит: «Если статуя сама пойдет к берегу, для чего нужны эти люди?» – перевел Цетлин.

– Скажи, что люди должны сопровождать статую, – ответил Сейт. – Ну, что-то вроде почетного караула.

Выслушав Цетлина, Староста согласно кивнул и что-то сказал другим островитянам, которые в ответ тоже закивали.

Убедившись в том, что островитяне готовы выполнить свою часть работы, Сейт разделил их на две равные группы, каждая из которых заняла место по одну из сторон статуи. Старосте Сейт предложил встать рядом с собой, прямо напротив каменного истукана.

– Теперь, Михаил, Староста должен показать статуе, куда ей нужно идти, – сказал Сейт. – И очень вежливо попросить ее последовать за ним.

– Я не знаю, как будет «вежливо», – смущенно признался Цетлин.

– Скажи «старательно», – посоветовал Сейт.

Выслушав Цетлина, Староста снова кивнул и, обращаясь к Сейту, произнес одну короткую фразу.

– Он спрашивает, можно ли начинать? – перевел Цетлин.

Сейт утвердительно наклонил голову и указал рукой на статую, приглашая Старосту к разговору с идолом.

Почтенный островитянин распрямил спину, выгнул грудь колесом и сделал шаг вперед.

Говорил он весьма уважительно и долго, показывая руками то на островитян, стоявших по бокам от статуи, то на себя, то в сторону берега. Вдруг, – Цетлин не поверил своим глазам, – статуя качнулась сначала вперед, затем немного вправо, как будто разминаясь после долгой неподвижности. Староста взглянул на Сейта. Сейт одобрительно кивнул ему и снова указал на статую, предлагая продолжить. Староста произнес еще пару слов, и статуя, ко всеобщему удивлению, медленно двинулась вперед, переваливаясь с одного бока на другой, словно тяжелый шкаф, который кантуют умелые грузчики. Цетлин ожидал, что, увидев идущего каменного исполина, аборигены в ужасе разбегутся кто куда, но вместо этого островитяне с криками восторга, радуясь, словно дети, запрыгали на месте, как будто соревнуясь, кто выше подпрыгнет. Больше всех был рад и горд Староста, ведь это он уговорил статую сдвинуться с места! Воспользовавшись тем, что статуя, сделав несколько шагов, остановилась, Староста выстроил эскорт с обеих ее сторон ровными рядами, занял свое почетное место впереди шествия и, прихлопывая в ладоши, затянул бойкую песню, которую тут же подхватили остальные аборигены. Не прекращая петь, Староста сделал шаг вперед, подражая движению статуи. Это же сделали и остальные. И статуя тоже сделала шаг вперед. Качнувшись в другую сторону, Староста снова шагнул, и вся процессия, включая статую, повторила его движение.

Сейт, двигаясь рядом со Старостой, с удивлением наблюдал за его действиями.

– Они оказались куда способнее, чем я ожидал! – сказал он, отыскав взглядом Цетлина.

– Может быть, ты зря научил их этому фокусу? – Цетлин с сомнением посмотрел на самозабвенно занятого новым для него делом Старосту. – Они ведь всего лишь дикари. Бог знает, что им может взбрести в голову.

Сейт заговорщицки подмигнул приятелю:

– Что бы ни думал Староста о своих способностях договариваться с каменными идолами, без меня он не сможет сдвинуть с места даже глиняный горшок.

Двигаясь все более уверенно, статуя вскоре доковыляла до берега.

После водружения идола на священную площадку, которая на местном языке называлась «тагаи», здесь же, у подножия каменного колосса, было устроено торжественное празднование в честь этого достопамятного события, с танцами, песнями и поглощением невероятного количества всевозможной снеди.

Глава 11

Наутро, после окончания длившихся ночь напролет народных гуляний, Староста обратился к Цетлину с просьбой сделать еще одного идола, чтобы поставить его на соседний тагаи.

На этот раз, чтобы поразить островитян, Цетлин вырубил из вулканического туфа исполина высотой около 20 метров. Для удобства вырезать его пришлось в лежащем положении. Эта работа заняла у Цетлина почти три дня. Зато результат привел всех, без исключения, островитян в полнейший восторг.

И снова у подножия статуи всю ночь не гасли праздничные костры.

Однако Цетлин не учел того, что священных площадок тагаи на острове было очень много. И на следующий день Староста вновь попросил его заняться изготовлением новой статуи.

Сначала Цетлин делал статуи разных размеров и даже руководил созданием скульптурных групп на берегу, но со временем все это ему настолько надоело, что он перешел на изготовление стандартных трех-пятиметровых фигур, предоставив Сейту и Старосте заниматься их расстановкой по собственному усмотрению. Освоившись с работой пси-преобразователя и набив руку в вырезании фигур моаи – так называли его статуи островитяне, – Цетлин делал их по две-три штуки в день.

Когда на косяке дверного проема, где Сейт отмечал дни, проведенные на острове, появилась трехсотая зарубка, Цетлин лег на тростниковую циновку, сложил ладони на груди и сказал:

– Все. Больше я этих каменных уродов видеть не могу. У меня целая куча нереализованных творческих планов, а мне приходится поточным методом выпускать истуканов с дебилскими рожами.

– Можешь поделиться своими планами со мной, – предложил Сейт.

– Есть у меня одна задумка, – Цетлин приподнялся на локте, в глазах его вспыхнули азартные огоньки. – Хочу создать здесь Скалу Президентов вроде горы Рашмор в Америке... Впрочем, в Америке ее пока еще нет... Ты только представь себе: на самом высоком пике над вулканом, озаренные солнцем, три профиля – Брежнев, Горбачев и Ельцин! Какая грандиозная, величественная картина будет открываться на этот барельеф со стороны моря!

– Представляю, – криво усмехнулся Сейт. – А теперь ты представь себе, что будут говорить об этом твоём, к счастью, не созданном, шедевре в XX веке? «Еще одна загадка древней истории!», «Неопровержимое доказательство посещения Земли инопланетянами в далеком прошлом!»... И думать об этом забудь.

– О-о-ох! – Цетлин скривил ехидную гримасу. – Инспектор всегда на посту! Моя милиция меня бережет! А то, что мы заставили весь этот остров каменными идолами, не вызовет удивления у людей будущего?

– Ну, должны же мы были как-то отплатить островитянам за оказанное гостеприимство. – Почувствовав, что первый его довод прозвучал не очень-то убедительно, Сейт тут же привел второй: – А во-вторых, моаи не несут в себе никакой информации из будущего. В-третьих, – голос инспектора сделался уверенным, – есть же остров Пасхи!

– А мы создали всего лишь его филиал, – тут же подхватил его мысль Цетлин. – Остров Пасхи-2. К тому времени, когда его найдут, статуи все развалятся.

– Ну, до моего времени статуи острова Пасхи сохранились в целости, – возразил ему Сейт. – Недавно их покрыли стабилизирующим составом, так что теперь им не страшны тысячелетия.

– Но второго острова Пасхи я что-то не припоминаю, – озадаченно почесал затылок Цетлин.

– Я тоже, – признался Сейт. – И, честно сказать, меня это несколько удивляет...

Закончить свою мысль он не успел. За дверь послышалась какая-то негромкая возня, после чего в дверном проеме возникла фигура Старосты.

– Все! Я умер! – Цетлин растянулся на циновке и сложил руки на груди.

Войдя в хижину, Староста произнес традиционное приветствие: «Иа ора на», – после чего присел на циновку, скрестив ноги.

– Иа ора на, – ответил ему Сейт.

Староста посмотрел на спину Цетлина, молча и неподвижно лежавшего на боку, повернувшись лицом к стене.

– Ма, я удивлен, – негромко, но с укором произнес Староста. – Почему ты больше не делаешь моаи?

Цетлин что-то тяжело и невнятно прохрипел.

Староста удивленно посмотрел на Сейта.

– Что случилось с Ма?

– Он заболел, – соврал Сейт, старательно отводя взгляд в сторону от умных и проницательных глаз Старосты.

– Но разве ты не лечишь всех людей на острове, Сей? – спросил Староста. – Почему же ты не можешь помочь Ма?

Сейт в растерянности потербил бороду. Он не знал, что ответить. Умные, всепонимающие глаза Старосты вновь взглянули на спину Цетлина.

– Ма, ты же знаешь, как нужны людям моаи, которых умеешь делать только ты один, – произнес он мягким, всепрощающим голосом. – Ты же знаешь, какую радость доставляют они всем: женщинам, мужчинам, детям, старикам. Почему же ты больше не хочешь приносить нам радость?..

Староста говорил долго и убедительно, говорил до тех пор, пока Цетлин не поднялся с циновки и не сказал:

– Достаточно! Я иду делать нового моаи.

– Не выдержал? – сочувственно спросил по-русски Сейт.

– Как я мог выдержать? – развел руками Цетлин. – Этот старик сумел бы уговорить даже каменную статую!

Едва только Староста вышел за дверь, как Цетлин упал на колени и воздев руки к крыше хижины, возопил пронзительным голосом:

– Господи! Чем я прогневил тебя?! Ты видишь, я превратился в халтурщика! Почему я должен лепить этих каменных моаи со скоростью фордовского конвейера?

Староста снова заглянул в хижину. На лице его было выражение серьезной озабоченности.

– Со мной все в порядке, – заверил Старосту Цетлин.

Поднявшись на ноги, он взял с полки пси-преобразователь и, обреченно потупив взгляд, направился к выходу, на ходу бросив Сейту:

– Собирай после обеда свою бригаду.

Глава 12

На втором году пребывания Сейта и Цетлина среди аборигенов на острове появились новые люди: трое белых людей, аккуратно подстриженных и выбритых, одетых в белые шорты и разноцветные майки. Цетлин увидел их утром на берегу в окружении ликующих туземцев, встречающих незнакомцев с таким же энтузиазмом, как когда-то они встречали его. Только было не похоже, что эти трое ухоженных парней добирались до острова вплавь.

Цетлин бросился в хижину за Сейтом.

– Жан-Поль! На берегу люди! – крикнул он, откинув дверь в сторону.

– Какие люди? – не понял Сейт.

– Цивилизованные! Европейцы! В ботинках! – схватив Сейта за руку, Цетлин потащил его к выходу. – Пойдем, сам увидишь!

Все еще не понимая, что происходит, Сейт последовал за Цетлиным.

– Иа ора на! Иа ора на! – кричали на берегу островитяне, приветствуя гостей.

Растолкав аборигенов, Сейт выбежал вперед.

– Егор! – закричал он во все горло, стараясь перекрыть радостные крики островитян.

Один из гостей обернулся и удивленно посмотрел на Сейта.

– Егор! Неделин! Это же я – Жан-Поль Сейт! – со слезой в голосе крикнул инспектор, несколько раз ударив себя ладонью в грудь.

– Бог ты мой, Жан-Поль! – вне себя от изумления раскинул руки в стороны тот, к кому с такой надеждой и отчаянием взывал Сейт. – Тебя и не узнать!

Действительно, трудно было узнать в загоревшем до черноты, обросшем бородой и длинными волосами, одетом в юбочку из трав дикаре прежнего младшего инспектора Департамента контроля за временем. От остальных островитян его отличали только светлые волосы и борода.

– Ну и одичал же ты, брат! – с восторгом произнес Егор, обнимая Сейта за плечи. – Одна борода чего стоит!

– А вы-то здесь какими судьбами? – Сейт хлопал Егора по плечу так, словно хотел убедиться в том, что это человек, а не призрак, способный в любую минуту растаять в воздухе.

– Как это – какими судьбами? – удивленно вскинул брови Егор. – Тебя с твоим другом ищем.

Взглянув из-под ладони на яркое солнце, Неделин достал из кармана красную бейсболку и, расправив, натянул ее на голову.

– Как же вам удалось нас отыскать? – спросил Сейт, присаживаясь на тагаи в тени десятиметрового моаи рядышком с вновь прибывшим на остров инспектором.

– Через пару дней после твоего исчезновения в Департамент пришло анонимное письмо, в котором говорилось, что ты покинул XVII век, воспользовавшись для этого одноразовым темпоральным модулятором, и поэтому не имеешь возможности самостоятельно вернуться назад. Поскольку невозможно было установить, на каком из витков временной спирали ты оказался в результате перехода, пришлось вести широкий поиск сразу в нескольких направлениях, – Егор усмехнулся, правда, как-то совсем невесело. – Видел бы ты выражение генерального инспектора, когда он понял, что для организации твоих поисков ему понадобится снять с заданий почти всех агентов. Так что, будь уверен, тебе предстоит серьезный разговор с Барцисом. В конце концов, группе Старостина удалось отыскать в милицейских сводках конца XX века сообщение о таинственном мушкетере, потерявшем сознание на улице Кипешмы, а потом исчезнувшем без следа из городской больницы вместе с еще одним пациентом. Дальше работали аналитики, у которых теперь имелись данные для моделирования ситуации. Они назвали несколько возможных точек вашего местонахождения, куда и были отправлены поисковые отряды.

– А мы уже думали, что останемся здесь навсегда, – сказал сидевший на корточках неподалеку Цетлин.

– Извините, что расстраиваю ваши планы, – рассмеялся Егор. – Но нам необходимо сегодня же покинуть остров. Вам, – обратился он к Цетлину, – тоже придется отправиться вместе с нами.

– Как скажете, – легко согласился тот. – Только к чему такая спешка? У меня здесь осталась кое-какая незавершенка...

– Вы разве ничего не знаете? – удивленно посмотрел на бородатых дикарей Неделин.

Сейт и Цетлин быстро переглянулись.

– А что, собственно, нам следовало бы знать? – спросил за них обоих Сейт.

– Завтра к берегу этого острова подойдет голландский корабль под командованием капитана Якоба Роггевена, остров будет нанесен на карту и назван... – Егор сделал паузу и лукаво прищурил глаза. – Вам хотя бы известно, как называется остров, на котором вы провели полтора года?

– Аборигены называют его Рапа-Нуи, – ответил Цетлин.

– Правильно, аборигены называют его Рапа-Нуи, – кивнул Неделин. – А вот Роггевен назовет его островом Пасхи.

Цетлин и Сейт ошарашенно уставились друг на друга.

Глава 13

То, что не вызвало у Сейта ни малейшей тревоги на острове, когда он был просто счастлив, узнав, что может наконец-то вернуться домой, не давало ему покоя все те три дня, что он, в компании с Цетлиным, провел в санитарном изоляторе, в ожидании встречи с генеральным инспектором Отдела искусств, который должен был решить судьбу младшего инспектора Сейта. Неделин сказал, что Барцис зол на Сейта. Зная вошедшую в пословицы невозмутимость генерального инспектора, можно было догадаться, что он не просто зол, а вне себя от бешенства. Следовательно, думать теперь надо было не о повышении, о котором мечтал младший инспектор Сейт, застегнув наручники на запястьях Марина, а о том, как бы не вылететь из Департамента. Предстоящую встречу с генеральным Сейт ожидал теперь с внутренним содроганием. Но она была так же неотвратима, как закат солнца, который непременно наступит в урочное время, хочешь ты того или нет.

Когда спустя три дня после прибытия Сейта с Цетлиным пригласили в кабинет генерального инспектора Отдела искусств, Сейт неожиданно для самого себя почувствовал облегчение. Сегодня будет вынесен окончательный приговор, и ему не придется больше ворочаться с боку на бок бессонными ночами, стараясь угадать, какие вопросы может задать ему Барцис, и придумывая достойные ответы на них.

В кабинете, в котором они оказались, миновав приемную, не было ничего, кроме встроенных стеновых шкафов и большого письменного стола. За столом сидел уже далеко не молодой человек с огромной лысой головой, одетый в тонкий серый свитер под горло. Глаза его были полуприкрыты веками, наползающими складками из-под густых бровей. Большие, сильные руки лежали перед ним на столе.

Справа, у самой стены располагался еще один стол, за которым сидел личный секретарь генерального инспектора.

Войдя в кабинет, Сейт замер, вытянувшись в струнку.

Не привыкший к официальным строгостям Цетлин слегка поклонился и сказал:

– Добрый день.

Генеральный инспектор Барцис поднял веки и взглянул на вошедших.

– Ну что, натворили дел, – негромко произнес он.

Слова его прозвучали не как вопрос, а как уже готовое обвинение. Отвечать что-либо на это не имело смысла.

Взгляд генерального инспектора остановился на Цетлине.

– Михаил Цетлин, – мрачно произнес Барцис.

– Так точно, – с улыбкой ответил скульптор.

«Еще бы ему не улыбаться», – с тоской подумал Сейт. Цетлин, в отличие от инспектора, не чувствовал за собой никакой вины.

– Присаживайтесь, – Барцис взглядом указал Цетлину на одно из свободных кресел.

– Благодарю вас. – Цетлин занял предложенное ему место и, обернувшись, удивленно посмотрел на Сейта, который остался стоять позади него.

Генеральный инспектор не предложил Сейту присесть. Казалось, он вообще не замечал присутствия младшего инспектора.

– Первое, – медленно произнес Барцис, глядя на Цетлина, – от имени Департамента контроля за временем я приношу вам извинения за то, что вы были втянуты в эту историю. Второе: я приношу вам извинения за ошибки в работе наших сотрудников. Сейчас я объясню, в чем дело. Когда наши реставраторы, такая же активная молодежь, как вы, работали в XX веке, затирая следы, оставленные младшим инспектором Сейтом, они, проявив чрезмерное усердие, убрали заодно и всю информацию, имеющую отношение к вашей личности. То есть человек

по имени Михаил Цетлин как будто никогда и не жил в XX веке. Особенность перемещения во времени состоит в том, что мы не движемся по стреле времени в ту или иную сторону, а перепрыгиваем с одного витка временной спирали на другой. Вы покинули свое время в 1991 году. Сегодня мы имеем реальную возможность вернуть вас только в 1993-й. И при этом вы окажетесь примерно в той же ситуации, что и инспектор Сейт, когда он попал в ваше время – человек без прошлого. Поскольку вина за все случившееся лежит на Департаменте, мы предлагаем вам самому сделать выбор: вернуться в свое время или остаться у нас. В случае, если вы решите остаться, мы гарантируем вам все права гражданина. Если же вы пожелаете вернуться, мы постараемся создать для вас новую биографию.

Услышав такое, Цетлин почувствовал себя весьма неуверенно. Ему предлагали сделать выбор, от которого зависела вся его дальнейшая жизнь. Одно он понял сразу: если ему предлагают остаться в будущем, значит, в своем времени он не оставил никакого заметного следа. Как художник Михаил Цетлин не состоялся. Что, впрочем, легко можно было объяснить не отсутствием у него таланта как такового, а неблагоприятной для любого художника ситуацией, складывавшейся в России на исходе второго тысячелетия.

– Прежде чем дать ответ, я должен все как следует обдумать, – сказал Цетлин внезапно севшим голосом.

Генеральный инспектор слегка наклонил голову.

– Правильно. Подумайте, вас никто не торопит. – Барцис сделал паузу, начертив пальцем на столе длинную дугообразную линию. – Теперь, когда официальная часть нашей беседы окончена, от себя лично хочу сказать, что, будь на то моя воля, я велел бы вас примерно высечь, господин Цетлин, чтобы другим неповадно было.

Не зная, что сказать, Цетлин только удивленно вскинул брови.

– Подумать только! – Барцис с неожиданной для него эмоциональностью взмахнул рукой. – Статуи острова Пасхи, над историей создания которых ломали головы маститые ученые всех времен, как выясняется, были сделаны двумя оболтусами, которым просто нечем было заняться, да еще и с применением пси-техники! А бедные островитяне? До сих пор их поднимали на смех, когда на вопрос: «Каким образом статуи доставляли на берег?», они отвечали: «Сами шли!»

Сейт сделал попытку оправдаться, а заодно и напомнить о своем присутствии:

– Но мы не знали, что это остров Пасхи.

– Тем более! – хлопнул ладонью по столу Барцис. – Надо было сидеть тише мышей!

– Извините, – осторожно подал голос Цетлин. – Но я читал, что на острове Пасхи осталось большое количество незавершенных статуй. Я же оставил после себя только две заготовки. Да еще были найдены каменные молотки, которые использовали для изготовления статуй островитяне.

– Ничего удивительного – аборигены просто пытались копировать ваши статуи. Сделать-то они их сделали, вот только ни одну из них не смогли даже с места сдвинуть. Пока у вас еще свежа память, можно организовать для вас поездку на остров Пасхи. Посмотрите, стоит ли там хотя бы одна статуя, сделанная не вами?

– Почему же реставраторы, работавшие после нас на острове, не убрали статуи? – не унимался Цетлин.

– Потому что в их распоряжении были только одни сутки, – Барцис показал Цетлину кулак, из которого торчал указательный палец. – За столь короткий срок убрать все ваши художества было невозможно. Но даже если бы это было осуществимо... Вы представляете себе, сколько людей занималось изучением каменных идолов острова Пасхи? Сколько книг и статей о них написано? Сколько фильмов снято? Что со всем этим прикажете делать? Моаи острова Пасхи принадлежат теперь уже не вам и не мне, а всему человечеству.

– Но я ведь сам скопировал эти статуи с тех, которые видел по телевизору! – недоумевающе развел руками Цетлин.

Впервые за время всего разговора уголки губ генерального инспектора слегка приподнялись.

– Что ж, можно назвать это автоплагиатом, – сказал он.

– Так, значит... – взгляд Цетлина растерянно скользнул по голым стенам и вновь замер на лице генерального инспектора. – Получается, что остров Пасхи – это моя авторская работа?

– Время выкидывает порою и не такие фокусы, – усмехнулся Барцис.

– Но это значит, что я сам у себя украл грандиозную идею! – возопил, точно раненый вепрь, Цетлин. – Я создал монументальный скульптурный комплекс, известный всему миру, но при этом только несколько человек знают, что это моя работа! – Цетлин шумно вздохнул, медленно и скорбно развел руками и, с болью в голосе воскликнув: – Поистине, судьба безжалостна ко мне! – согнулся пополам, уткнувшись лбом в колени.

– Ну, зато вы теперь имеете возможность слетать на остров Пасхи и посмотреть на свои работы, простоявшие без малого пять веков, – заметил Барцис.

Цетлин никак не отреагировал на его слова.

Генеральный инспектор молча посмотрел на секретаря.

Секретарь так же молча надавил на кнопку селектора и произнес только одно слово:

– Пора.

Обогнув замершего, словно соляной столп, Сейта, в кабинет вошли двое в голубых куртках медицинской службы Департамента. Осторожно взяв скульптора под руки, они извлекли его скорченное тело из кресла и, нашептывая на ухо слова утешения, повели бедолагу к выходу. После удара, который постиг художника, несчастный нуждался в покое и отдыхе.

Едва только за сопровождавшими Цетлина медиками закрылась дверь, генеральный инспектор обратил свой взор на Сейта.

– Полагаю, младший инспектор Сейт, у вас было достаточно времени для того, чтобы найти если не оправдание, так хотя бы объяснение своим действиям.

Слова, произносимые Барцисом, падали подобно каменным глыбам, уворачиваться от которых было бессмысленно.

– Я не смог найти себе оправдания, – честно признался Сейт.

Ему показалось, что всего на один неуловимо короткий миг взгляд генерального инспектора сделался не таким тяжелым, как прежде, и в нем даже мелькнуло что-то похожее на одобрение.

– А как насчет объяснений? – спросил он.

Сейт понуро склонил голову.

– Если вы хотите получить объяснения по поводу того, что произошло на острове Пасхи...

– Нет! – рявкнул, не дослушав его, генеральный инспектор. – Мне и без твоих объяснений ясно, что там произошло! И все потому, что вел ты себя как последний болван! Вместо того чтобы попытаться удержать ситуацию в рамках существующей реальности, принялся резвиться, словно мальчишка! Кем ты себя возомнил, Сейт? Повелителем времени? Или ты ловил кайф от того, с каким восторгом смотрели на тебя наивные островитяне, пораженные твоими сверхъестественными способностями?

Сейт не стал даже пытаться отвечать ни на один из заданных генеральным инспектором вопросов. Какой в этом был смысл? Он чувствовал себя раздавленным и смятым, словно ненужный обрывок бумаги, который оставалось разве что только швырнуть в мусорную корзину.

– Ты так ничего и не понял, Сейт? – тихо спросил Барцис.

Удивленный неожиданной переменной в настроении генерального инспектора, Сейт поднял взгляд.

– Ну? – с надеждой посмотрел на него Барцис. – У тебя ведь было достаточно времени на то, чтобы все как следует обдумать.

– Я виноват в том, что из-за меня были сняты с задания агенты, – неуверенно начал Сейт.

– Пустое, – поморщившись, махнул рукой Барцис. – Такое случалось и прежде. То, что тебе за это причитается, ты получишь сполна. Что еще?

– Вы полагаете, что мне следовало оставаться в XX веке и ждать, когда меня отыщут?

– Неплохая мысль, – одобрительно кивнул генеральный инспектор. И с разочарованием щелкнул пальцами. – Но я не это имел в виду! – Барцис оперся руками о край стола и тяжело откинулся на спинку кресла. – Ты разочаровал меня, Сейт. Разочаровал даже сильнее, чем я думал до встречи с тобой. Для таких людей, как ты, в Департаменте существует только одно место. Догадываешься какое?

– Склад невостребованных вещей, – угрюмо произнес Сейт.

– Точно, – улыбнулся Барцис.

В улыбке его было столько яда, что хватило бы на дюжину гремучих змей.

Склад невостребованных вещей, куда поступали предметы, попавшие в XXII век из других эпох, которые после завершения того или иного дела оказывались никому не нужными, выполнял в Департаменте функцию первого круга Ада. Попавший туда одномоментно выпадал из жизни Департамента, хотя и продолжал формально числиться его сотрудником. О них все забывали, как о вещах, за которыми им приходилось присматривать. Если кто-то из инспекторов и спускался вдруг на склад невостребованных вещей, чтобы просмотреть материалы, оставшиеся после того или иного дела, то, не взглянув на бирку, пришпиленную к карману смотрителя склада, он обычно даже имени его не мог вспомнить. Каждый практикант в Департаменте знал, что, попав однажды на склад невостребованных вещей, можно забыть о всех своих былых надеждах и стремлениях.

Сейт с удивившей даже его самой стойкостью перенес известие об этом назначении. Сглотнув вставший в горле комок, он только спросил:

– Когда мне приступить?

– Да хоть прямо сейчас, – по-прежнему с улыбкой ответил генеральный инспектор. – Зачем откладывать?

Сейт коротко кивнул, развернулся на месте и на негнущихся ногах сделал шаг к выходу из кабинета. Но уже возле двери он остановился и обернулся. Он был уверен, что в первый и последний раз оказался в кабинете генерального инспектора Отдела искусств, а потому полагал, что терять ему по большому счету нечего.

– Простите, господин генеральный инспектор, но я хотел бы знать, в чем все же состояла главная моя ошибка?

Прежде чем дать ответ, Тимур Барцис усмехнулся:

– В том, Сейт, что ты решил арестовать Марина.

Сейт ожидал чего угодно, но только не этого. Группа, в которую он входил, вела наблюдение за Мариным в течение двух недель, и все давно уже говорили о том, что пора бы его взять. Да, решив арестовать Марина, Сейт действовал без приказа. Но каждый инспектор Департамента контроля за временем, работающий в прошлом, имел право принять самостоятельное решение.

Барцис как будто угадал его мысли.

– Ты принял неверное решение, Сейт. Марин не простой контрабандист, а подлинный мастер, я бы даже сказал, виртуоз своего дела. Он никогда бы не отправился в прошлое для того, чтобы просто встать на площади с мешком контрабандного товара. А если уж он так поступил, значит, затевалось поистине нечто грандиозное. Пока мы вели Марина, у нас была

возможность понять, что именно он задумал. Однако после твоей дурацкой выходки мы его потеряли. Теперь мы, скорее всего, уже никогда не узнаем, чем именно собирался заняться Марин во Франции XVII века, – генеральный инспектор Отдела искусств скорбно развел руками. – Если бы ты только мог понять, Сейт, насколько сильно это меня огорчает.

Глава 14

Двое мужчин, одетых в темно-коричневые рясы доминиканцев, не спеша прогуливались по саду. Зима была уже не за горами, и листва на деревьях приобретала все более заметный золотистый оттенок. Но дни все еще стояли теплые, а холодные осенние дожди лишь изредка окропляли землю. А поскольку сады в окрестностях Версаля пользовались заслуженной славой одного из наиболее красивых мест королевства, немало людей покинули в этот теплый осенний день свои дома для того, чтобы прогуляться по ветвящимся тропинкам под сенью деревьев, пока еще не сбросивших листву.

Но двое монахов-доминиканцев, казалось, никого вокруг себя не замечали. Они смотрели только себе под ноги, как, впрочем, и подобает истинным слугам Всевышнего. Пальцы их сноровисто, словно белка, расправляющаяся с шишкой, полной спелых семян, перебирали шарики на деревянных четках, которые они держали в руках.

– Время представляет собой одно из удивительнейших проявлений материи, – негромко говорил невысокий монах, обращаясь к своему значительно более юному спутнику. – Прикоснувшись ко времени, ты можешь только предполагать, но никогда не знаешь заранее, к чему приведут твои действия.

– Но ведь существуют законы временной спирали, – заметил молодой монах.

– Законы? – усмехнулся его невысокий спутник. – Я говорю не о законах, а о непосредственном взаимодействии связки человек – время. Этот феномен пока еще никто не сумел объяснить. Мы даже не знаем в точности, кто в этой паре на кого оказывает решающее воздействие. С одной стороны, время обладает удивительной стабильностью. Для того чтобы хотя бы немного изменить прошлое, приходится прикладывать невероятные усилия. И в то же самое время вполне заурядный человек, случайно свернувший не на ту тропинку, способен, сам того не подозревая, в корне изменить ход мировой истории.

В этот момент монахи как раз остановились в том месте, где тропинка разделялась надвое. Молодой монах посмотрел сначала налево, а затем направо, как будто желая сделать правильный выбор, основанный не на случайности, а на точном, выверенном до последнего вздоха, расчете.

– И на какую же тропинку ты решил свернуть? – с немного лукавой улыбкой посмотрел на своего молодого спутника невысокий монах.

– Туда, – уверенно указал молодой монах налево.

– Почему именно туда? – поинтересовался второй.

– Я чувствую... Я уверен, что нам следует идти именно в этом направлении... А вы сами как считаете?

– Я полагаю, что нам следует оставаться на месте, – по-прежнему с улыбкой ответил невысокий монах. – Тем более что та, кого мы ждем, уже сама направляется в нашу сторону.

Молодой монах хотел было обернуться, чтобы посмотреть в ту же сторону, куда был устремлен взгляд его спутника, но второй монах быстро схватил его за руку.

– Нет, – негромко произнес он. – Не забывай, что нам не следует проявлять нетерпения.

Молодой монах виновато склонил голову и вновь с энтузиазмом защелкал шариками на четках.

Минуту спустя к ним подошла высокая, стройная женщина, одетая в дорогое платье из темно-синего бархата, расшитое серебряной нитью и украшенное всего одной нитью жемчуга. Но зато все жемчужины на этой нити были как на подбор, – крупные, округлой формы, с изумительным перламутровым блеском. Женщина старательно прикрывала лицо атласным лазоревым веером, так что видны были только ее маленькие, близко посаженные глаза, словно мышки, быстро бегающие по сторонам.

– Ты Марин, торговец? – обратилась женщина к невысокому монаху.

Голос у нее был низкий и чуть приглушенный. Звучал он настолько властно, что не возникало сомнений в том, что эта женщина привыкла повелевать.

– Да, госпожа, – низко склонил голову монах. – Я именно тот, кто вам нужен.

– Ты принес? – спросила женщина.

– Да, госпожа, – еще ниже склонился перед ней Марин.

– Давай! – протянув руку, женщина нетерпеливо дернула кончиками тонких пальцев.

– Простите меня, госпожа, но я хотел бы вначале удостовериться в том, что вы тоже принесли мне то, что обещали.

– Ты наглец, Марин! – возмущенно воскликнула женщина.

– Да, госпожа, – покорно согласился с таким определением переодетый монахом контрабандист.

Женщина быстро выдернула из-за широкого пояса платья небольшой кожаный кошель и нервно кинула его Марину.

Марин не спеша раскрыл кошель, чтобы заглянуть в него. Затем он так же неторопливо достал из сумки, висевшей у него на плече, объемистый сверток, упакованный в белый льняной платок.

– Здесь все, о чем вы просили, – сказал он, протягивая сверток женщине.

Та быстро схватила сверток, взмахнув широким подолом платья, развернулась на месте и убежала прочь, не сказав даже слова.

– Женщина способна на все ради набора хорошей косметики, – глядя ей вслед, глубоко-мысленно изрек Марин.

– Позвольте вас спросить, – обратился к Марину его спутник. – Что передала вам эта женщина?

Марин протянул юноше кошель, полученный от незнакомки.

– Рубиновые подвески? – удивленно и немного разочарованно произнес тот, заглянув в кошелек. – Для чего они вам?

– Тебе кажется, что подвески не стоят того, чтобы отправляться за ними в XVII век? – лукаво улыбнувшись, спросил Марин.

Его спутник, ничего не ответив, пожал плечами.

– Дело в том, что это подвески французской королевы Анны Австрийской, подаренные ей год назад ее мужем Людовиком XIII, – Марин сделал паузу, после чего снова спросил своего молодого спутника: – Тебе это ни о чем не говорит?

Тот вновь вместо ответа пожал плечами.

– Ты не читал «Трех мушкетеров»? – с недоумением посмотрел на него Марин.

– Читал, конечно, – обиделся молодой монах. – Но... Ведь Дюма выдумал историю с подвесками.

– Совершенно верно, – согласился с ним Марин. – А мы попытаемся воплотить ее в жизнь.

– Вы полагаете, это возможно?

– Все, в том числе и время, в руках Всевышнего, сын мой, – одетый монахом контрабандист благочестиво воздел руки к небесам. – Но, если ему совсем немного помочь, известная нам история может стать куда более интересной и занимательной. Ты так не считаешь?

Дело о картине неизвестного автора

Глава 1

Название бара – «Время от времени» – звучало многозначительно и символично, особенно если принять во внимание то, что находился он всего в двух шагах от главного управления Департамента контроля за временем. К тому же владельцем бара являлся не кто иной, как Федор Николаевич Векслер, бывший инспектор вышеназванного Департамента, без малого полвека проработавший в Отделе искусств.

Наверное, не было в Департаменте человека, который, услышав имя Векслера, непонимающе посмотрел бы на того, кто это имя произнес. Начав службу простым стажером, Векслер закончил ее в должности старшего инспектора, курирующего всю оперативную работу в прошлом. Проведенные им операции преподносились новичкам как образцы для подражания. Молодые инспекторы, которым не довелось лично поработать с Векслером, произносили его имя с благоговением. Те же, кто успел застать Векслера во время его службы в Департаменте, только усмехались загадочно, когда их спрашивали о том, в чем секрет успеха, неизменно сопутствовавшего Векслеру, и удачи, помогавшей ему выходить сухим из воды в таких ситуациях, когда, казалось, все козыри находились на руках у противника. Генеральный же инспектор Отдела искусств Тимур Барцис, когда при нем упоминалось имя Векслера, неизменно клал ладонь на свой массивный, гладко выбритый затылок и издавал звук, подобный тому, что во время оно использовал тираннозавр рекс, чтобы прогнать вторгшегося на его территорию соперника.

Короче, Федор Николаевич Векслер был живой легендой Отдела искусств. О нем первом слышал любой стажер, переступавший высокий порог Департамента контроля за временем.

Отсюда становится понятно, почему бар «Время от времени», который Векслер открыл после того, как, отслужив положенный срок, ушел на заслуженный отдых, пользовался неизменной популярностью среди работников Департамента. Помимо того, что большая часть инспекторов, не говоря уж о стажерах, обедали в баре у Векслера, а кто-то, задержавшийся на работе сверх урочного времени, забегал еще и поужинать, а то и позавтракать перед тем, как идти на ковер к начальству с докладом. В баре отмечали все сколько-нибудь заметные события в жизни Департамента: успешно проведенную операцию, повышение по службе, награждение, дни рождения сотрудников, свадьбы, равно как разводы, а также уход со службы, который далеко не всегда происходил в соответствии с собственным желанием «героя» застолья в сей знаменательный день. Но тут уж ничего не попишешь – такова специфика службы инспектора Департамента контроля за временем. Время – настолько деликатная форма материи, что невозможно даже прикоснуться к нему так, чтобы волны возмущений не пошли вверх по временной спирали. У инспектора же, работающего в прошлом, далеко не всегда в момент принятия решения находится это самое время на то, чтобы оценить все возможные последствия собственных действий. Нередко ему приходится действовать, руководствуясь не точным расчетом, а интуицией. Ну а если интуиция подводит, то отвечать за все приходится самому инспектору. Недаром в Департаменте говорят, что инспектор так же, как сапер, ошибается только один раз.

Всех служащих Департамента, включая и новичков, которых ветераны непременно приводили в бар знакомиться с хозяином, Векслер знал в лицо. За годы службы в Департаменте он приобрел неплохие навыки физиогномиста, поэтому, когда в баре у него появлялся посетитель, Векслер точно знал, как его следует обслужить. Одному требовались хорошая выпивка и соленая шуточка, другому необходимо было просто посидеть в одиночестве со стаканом пива, с третьим нужно было сесть за стол и выслушать исповедь, которая могла затянуться не на

один час. Если же инспектор появлялся в баре в неурочное время, когда добросовестному служащему следовало бы сосредоточить все внимание на вопросах пресечения контрабанды произведений искусства из прошлого, да к тому же еще и требовал самый крепкий напиток, какой только имелся в запасе, тут уж было ясно без лишних слов – стряслась беда. И если кто и мог помочь бедолаге, так только Федор Николаевич Векслер, который ради такого случая всегда был готов, не задумываясь, покинуть свой пост за начищенной до зеркального блеска никелированной стойкой.

Поэтому, когда тринадцатого апреля, в пятницу, ровно в десять сорок две, когда в баре «Время от времени» находилось всего двое случайных посетителей, над входной дверью мелодично звякнул серебряный китайский колокольчик и легкое дуновение залетевшего с улицы ветерка едва заметно шевельнуло красные ленты с выписанными золотом иероглифами, чье сочетание допускало самое разнообразное толкование, но в отдельности соответствовало понятиям «время», «удача» и «достаток», Федору Николаевичу оказалось достаточно бросить взгляд на вошедшего, чтобы понять, что без его личного участия дело добром не разрешится. Наполнив два высоких стакана своим фирменным коктейлем, именуемым «Особая необходимость», Векслер знаком велел помощнику занять место за стойкой.

Глава 2

Игорь Егоршин занимал должность инспектора в подотделе, работающем с первой половиной XX века.

Векслеру в свое время тоже довелось поработать на этом витке временной спирали, и он с полным на то основанием мог сказать, что это один из наиболее сложных и ответственных участков работы Отдела искусств. Две мировых войны, следовавшие одна за другой и повлекшие за собой, помимо прочих бед, еще и проблемы со значительными объемами как перемещенных, так и пропавших без вести произведений искусства, создавали самую благоприятную атмосферу для мошенников и аферистов всех мастей и любых специализаций. Одна только история с поисками Янтарной комнаты чего стоила! Расскажи кому – не поверит!..

Впрочем, это уже было делом прошлого, не имеющим никакого отношения к нынешним проблемам инспектора Егоршина, которые, судя по выражению его лица, были вроде тех, что в свое время господь, смеясь ради, вывалил на голову старого маразматика Иова. И решать их Егоршин, похоже, собирался в том же ключе, что и культовый библейский персонаж, – пытаясь воспринимать все как должное. Вот только, в отличие от Иова, инспектору для этого нужно было как следует выпить.

– Что нового в Департаменте? – как ни в чем не бывало поинтересовался Векслер, ставя высокие стаканы с «Особой необходимостью» на задвинутый в самый дальний угол зала столик, за которым притулился инспектор.

Егоршин даже не взглянул на хозяина бара, только рукой махнул. Из чего Векслер сделал вывод, что дела, по всей видимости, и в самом деле хуже некуда.

Присев на свободный стул, Векслер пододвинул один из стаканов Егоршину.

– Что случилось, Игорь? – спросил он негромко, искусно наполняя голос обертонами, которые у опытного психотерапевта вырабатываются не раньше, чем после семи лет неустанной практики. – Ты ведь знаешь, старику Векслеру можно рассказать все.

Егоршин взял предложенный ему стакан и одним махом ополовинил его. Это был смелый поступок. Стакан «Особой необходимости» мог запросто свалить с ног и самого умелого выпивоху. Но, к удивлению Векслера, на Егоршина порция фирменного коктейля не оказала почти никакого воздействия. Оставалось надеяться, что выпивка хотя бы поможет инспектору немного сбросить нервное напряжение, которое скручивало его, словно судорога.

Сделав небольшой глоток из своего стакана, Векслер выжидающе посмотрел на Егоршина.

Инспектор уперся взглядом в поверхность стола, синтетическое покрытие которого вполне правдоподобно имитировало карельскую березу, и сквозь стиснутые зубы зло процедил лишь одно слово:

– Стажер...

Сделав большой глоток «Особой необходимости», он счел возможным прибавить к этому:

– Зараза.

– Само собой, – ничуть не удивился Векслер. После сорока восьми лет службы в Департаменте контроля за временем его вообще трудно было чем-либо удивить. – Большинство бед в этом мире происходит от стажеров, – продолжил он глубокомысленно. – По разрушительной силе сравниться с ними могут только женщины. К счастью, энергия представительниц слабого пола направлена в иное русло. Вот, если нужно перебить посуду в доме...

– Точно, – Егоршин поднял голову, а затем резко уронил ее на грудь. – Именно посудой он и занялся.

– Кто? – не понял Векслер.

– Стажер.

Егоршин сделал еще один глоток коктейля, после чего принятая им доза волшебного напитка перевалила за критическую отметку. Теперь уже не требовалось никаких усилий для того, чтобы выжать из инспектора признание. Это было все равно что вращать мельничный жернов – трудно только с места сдвинуть.

– Два дня назад посадили мне на шею стажера. В жизни такого растяпы не видывал. Вроде бы и парень неплохой, старательный, а за что бы ни взялся – все сделает не так. И глаза, будто у побитой собаки, – посмотришь и ругаться не хочется. Я уж посадил его за стол в углу, у окошка, велел каталогами заняться. Думал, так от него вреда меньше будет. А он дотошный такой, все время с вопросами разными лезет... Ну а сегодня с утра принесли мне коробку конфискованной контрабанды. Всего-то и работы было, что оприходовать все предметы и распределить, что куда следует вернуть. Ну вот и подсунул я эту коробку стажеру. Дело неспешное, пусть, думаю, ковыряется потихонечку, а я потом за полчаса все проверю. В коробке этой и ценного-то ничего не было, кроме керамического блюда с изображением четырех танцоров. Пикассо. Он в свое время такой кухонной утвари много наделал, а нынче каждое блюдо, по которому он кистью поводил, состоит на учете в Каталоге всемирного наследия.

Инспектор тяжело вздохнул и еще разок приложился к стакану.

Заметив, что стакан Егоршина опустел, Векслер сделал знак отдыхавшему за стойкой помощнику. В общих чертах он уже представлял себе, о чем пойдет речь, а потому сделал вывод, что инспектору нужен не еще один стакан «Особой необходимости», а большая чашка черного кофе.

– Когда дело дошло до блюда, то стажер мой занервничал, заволновался, на месте заерзал, на меня взгляды искоса бросать начал. Я сижу и делаю вид, что ничего не замечаю. Пусть, думаю, сам разбирается, что к чему. Не знаю, что уж ему взбрело в голову, но вместо того, чтобы просто заглянуть в Каталог всемирного наследия, который всегда под рукой, полез он на верхнюю полку стеллажа, где стоял пенал с мемори-чипами авторских каталогов...

Егоршин медленно провел рукой по коротко остриженным светло-русые волосам и беззвучно, одними губами выругался.

– Короче, слезая со стула, этот недотепа оступился, потерял равновесие и опустился своим тощим задом точнехонько на блюдо с танцорами!

Инспектор в сердцах хватил кулаком по столу.

– Ну-ну, – поспешил успокоить его Векслер. – И не такое случается.

– Да? – с обидой глянул на Векслера инспектор. – Тарелка разлетелась на восемь частей! Восемь! – при этом Егоршин взмахнул руками, но почему-то показал не восемь пальцев, а две растопыренные пятерни. – И это не считая мелких осколочков! Что мне теперь прикажете делать? Когда дело дойдет до Барциса, он не станет разбираться, чей зад придал блюду столь непрезентабельный вид! Он с меня голову снимет!

– Ну, может быть, все не так уж и плохо, как кажется, – Векслер пододвинул инспектору большую чашку дымящегося кофе, которую принес помощник.

Егоршин безнадежно махнул рукой и принялся за кофе.

– Ты, Игорек, кому-нибудь уже рассказал о своей беде? – как бы между прочим поинтересовался Векслер.

Егоршин отрицательно мотнул головой.

Векслер с пониманием кивнул, – естественно, инспектор пытался до последнего оттянуть момент неизбежной экзекуции.

– А стажер сейчас где?

– Я его в кабинете запер, – ответил Егоршин. – Велел все осколки до последнего собрать. Чтобы блюдо можно было склеить, и поаккуратней, понезаметней.

– Это правильно, – одобрительно наклонил голову Векслер.

– А что толку, – Егоршин запрокинул голову назад, словно хотел получше рассмотреть нарисованных на потолке китайских драконов. Но вместо этого закрыл глаза и пару раз как следует потрянул головой. – Все равно разбитое блюдо целым не сделаешь.

– Ну, отчего же, – загадочно улыбнулся Векслер. – Если все осколки на месте...

Егоршин недоверчиво, но одновременно с затаенной, почти безумной надеждой, похожей на ожидание кажущегося невозможным чуда, посмотрел на своего многоумного собеседника.

Векслер поставил локоть на стол и, чуть подавшись вперед, прищурившись, посмотрел на инспектора. Он как будто хотел оценить, сможет ли инспектор выдержать груз той истины, которую он собирался перед ним открыть.

– Ты хочешь сказать, что у тебя в кабинете нет дубликатора? – едва слышно произнес он.

Егоршин, словно испугавшись чего-то, откинулся на спинку стула и ошарашенно уставился на Векслера, сидевшего напротив него с видом невозмутимо-спокойным, точно Будда.

– Вы имеете в виду?..

Инспектор умолк, не закончив начатую фразу. Суть, заключенная в вопросе, так и оставшемся незадачным, представлялась ему настолько святотатственной, что, будучи облеченной в словесную форму, она, быть может, способна была обрушить стены и потолок с изображением парящих между облаками драконов.

На лице Векслера не дрогнул ни единый мускул.

– Именно это я и имел в виду, – взгляд его, однажды поймав, уже не отпускал от себя взгляда инспектора Егоршина. – Собери все до единого осколки разбитого блюда, аккуратно склей их молекулярным клеем и сунь в камеру дубликатора, предварительно введя в программу дополнительное задание на устранение всех дефектов и следов клея. В результате ты получишь блюдо точно таким, каким оно было до того, как на него сел твой стажер, – дабы особо подчеркнуть этот момент, Векслер сделал секундную паузу. – Оригинал после этого уничтожь.

Егоршин судорожно сглотнул. От внезапно открывшейся перспективы в горле у него пересохло. Вспомнив о чашке, в которой еще оставалось немного остывшего кофе, инспектор схватил ее и одним глотком осушил до дна.

– Но ведь это подлог, – сдавленным полупшепотом произнес он.

– Разве? – изображая недоумение, Векслер картинно поднял левую бровь, изогнув ее при этом дугой. – У тебя на руках останется блюдо, до последнего атома идентичное тому, которого когда-то коснулся своей кистью Пикассо. К тому же существующее в единственном числе.

– Но ведь это будет ненастоящее блюдо, – еще тише произнес Егоршин.

– А кто об этом будет знать? – Векслер быстро глянул по сторонам, как будто хотел убедиться в том, что их никто не подслушивает. – Твой стажер будет молчать об этом случае, поскольку именно он в нем повинен. А ему ведь еще нужно закончить стажировку. Тебе, как я полагаю, тоже нет никакого резона рассказывать о случившемся каждому встречному. Ну, а я, – Векслер улыбнулся и, приподняв лежавшие на столе ладони, – узкие, с длинными, словно у скрипача, пальцами, – чуть развел их в стороны. – Можешь мне довериться, Игорек. Я и сам в свое время проделывал подобные фокусы.

Егоршин быстро облизнул пересохшие губы и заглянул в чашку. Убедившись в том, что в ней не осталось ничего, кроме кофейной гущи, он поднял голову, и затравленный взгляд его вновь встретился со спокойным и уверенным взглядом Векслера.

– А как же Пикассо?

– А при чем здесь Пикассо? – недоумевающе наклонил голову к плечу Векслер.

– Но, как же... Блюдо... – сосредоточившись, Егоршин смог все-таки сформулировать мысль, не дававшую ему покоя. – Оно ведь было одухотворено гением Пикассо.

Векслер усмехнулся и покачал головой, дивясь наивности нынешнего поколения инспекторов. Казалось бы, уже успели порыскать по виткам временной спирали, посмотрели, что там

да как. А все туда же – человеческий фактор, непревзойденный гений мастера, неповторимый мазок волшебной кисти... Ну прямо как выпускницы Института благородных девиц.

– Пикассо, говоришь...

Повернувшись к стойке, Векслер вновь махнул рукой своему пронизательному помощнику. В свое время тот был принят на работу именно благодаря удивительной способности понимать хозяина не то что с полуслова, а и вовсе без слов.

Не прошло и минуты, как на столике появилась новая чашка кофе для инспектора, чашка чая с бергамотом для хозяина бара и тарелка с сэндвичами: сыр и ветчина, прослоенные кетчупом с майонезом, – именно то, что любил Векслер.

подавая пример инспектору, Векслер первым взял сэндвич с тарелки.

– Я, конечно, не отрицаю того, что Пикассо был гением, – Векслер сделал глоток чая из чашки. – Но в чем именно заключалась его гениальность? В умении удивить подлинных ценителей? А может быть, просто в умении потрафить самолюбию неискушенного зрителя, который, глядя на его картину, радуется тому, какой он сам умный? Или же художник просто умел предугадать, что именно хочет увидеть публика в данный момент?

Всем известно, что в творчестве Пикассо сначала был голубой период, потом розовый, затем он создал кубизм, после чего обратился к неоклассицизму, чтобы в конце концов прийти к сюрреализму. Но никто не может ответить на вопрос, в чем заключалась причина этих удивительных метаморфоз. Что заставляло мастера неожиданно для всех резко менять как технику, так и стилистику своей работы? Никто не знает ответа на этот вопрос, – Векслер сделал театральную паузу, после чего многозначительно произнес: – Никто, кроме меня.

Глянув на инспектора и убедившись в том, что он слушает его, забыв о кофе и сэндвичах, Векслер начал свою историю:

– О голубом и розовом периоде творчества Пикассо ничего сказать не могу. Но вот о том, что послужило толчком, обратившим его к кубизму, мне известно доподлинно...

Глава 3

Точно не могу сейчас сказать, в каком году было дело. Но помню, что именно в тот год были отменены квоты на путешествия во времени для частных лиц. Работы у нас после этого прибавилось, поскольку к профессиональным контрабандистам, осведомленным не хуже нас с тобой о том, что можно, а чего нельзя брать из нашего времени в прошлое, и что в прошлом ни в коем случае нельзя трогать, присоединились еще и толпы дилетантов, волокущих из туристических поездок в прошлое все что ни попадя. Поверишь ли, у одного из таких туристов, прибывшего из пятнадцатого века, я лично изъясил подлинник Босха, которого нет ни в одном каталоге! А у кого он его прикупил, этот любитель живописи и сам не мог толком объяснить.

Впрочем, если хочешь точно выяснить, когда случилась эта история, можешь проверить по таблице сопряженных годов.

Я получил задание, о котором инспектор Отдела искусств может только мечтать. Мне предстояло вернуть на место картину, изъятую у контрабандиста по имени Павел Марин.

Ну, естественно, кто же в Департаменте не знает Марина! Он столько лет в качестве заключенного провел в зоне безвременья, что успел поработать с тремя поколениями инспекторов из Отдела искусств. Марин – это уникальнейшая личность. Он превосходно знает историю искусств, держит в памяти весь Каталог всемирного наследия и никогда не позволяет себе взять из прошлого что-то, что могло бы создать проблемы в будущем. Не то что нынешние нигилисты, именующие себя клинерами! До сих пор не могу понять, почему Марин подался в контрабандисты, а не поступил на работу в Департамент. Порою мне кажется, что он занимается контрабандой вовсе не из корысти, а исключительно из любви к искусству, – как ни парадоксально это звучит.

Картина, о которой идет речь, по сути не представляла собой ничего ценного. До той поры, пока Марин не умыкнул ее, она хранилась в личной коллекции графа Витольди. Картина имела размеры тридцать два на двадцать три сантиметра, незамысловато именовалась «Утро» и принадлежала, как утверждал каталог, составленный самим графом, неизвестному голландскому художнику первой половины семнадцатого века. Что было изображено на картине, понятно из названия. Бог знает, по какой причине граф завещал свою коллекцию Шотландской национальной галерее в Эдинбурге. Получив после смерти графа находившиеся в его коллекции картины, шотландские эксперты пришли к выводу, что «Утро» является дешевой подделкой, выполненной не раньше конца девятнадцатого века, – кстати, с этим мнением, осмотрев картину, согласились и наши специалисты, – после чего картина была отправлена в запасник. Публике картина была представлена всего однажды – вследствие какого-то совершенно невероятного стечения обстоятельств она попала на престижную международную художественную выставку в Лувре, проводившуюся в 1977 году. Естественно, «Утро» попало в каталог выставки, что автоматически ставило ее в один ряд с высочайшими достижениями человеческого гения в области изобразительного искусства. Марин, должно быть, Луврского каталога не видел, а потому, доверившись собственному художественному вкусу, счел возможным переместить «Утро» из начала XX в середину XXII века. Здесь его ожидала засада, и Марин скрылся, бросив весь свой товар.

Картинка – дрянь, но следовало вернуть ее на место. Что мне и надлежало сделать, отправившись в 1906 год. Приятная сторона дела, помимо того, что само по себе оно было совершенно необременительным, заключалась в том, что стояла середина июля, а вышеназванный граф Витольди, из домашней коллекции которого была похищена картина, проживал не где-нибудь, а в Каннах.

Заманчивую перспективу провести несколько дней на роскошном курорте на побережье Средиземного моря несколько подмачивал тот факт, что в компании со мной должен был отправиться лаборант-исследователь из Отдела экологии.

Задачи служащих Отдела экологии не в пример проще тех, которые приходится решать нам. Все, что от них требуется, это собрать образцы воздуха, воды, грунта, растений, еды и вообще всего, что попадет под руку, чтобы потом, вернувшись назад, можно было в очередной раз удостовериться в том, что к настоящему времени наш мир сделался совершенно непригодным для жизни.

Казалось бы, бог с ними, – каждый выполняет свою работу. Но все дело в том, что экологи имеют весьма смутное представление об исторических особенностях и реалиях того времени, куда они направляются. Проходить соответствующую подготовку они отказываются, мотивируя это тем, что не хотят забивать голову информацией, которая им, скорее всего, больше никогда не понадобится. В итоге получается, что к каждому лаборанту-исследователю, отправляющемуся в прошлое с набором пластиковой тары для образцов, требуется приставить провожатого, знакомого с тем временем, в котором им предстоит работать. Чаще всего это был кто-то из Отдела искусств или Отдела науки и техники. Для нас это стало чем-то вроде повинности, которую, хочешь не хочешь, приходится отбывать.

В то время, когда происходила история, о которой я рассказываю, Департамент решил провести эксперимент, суть которого заключалась в том, что к каждому инспектору из Отдела искусств или Отдела науки и техники, отправляющемуся на задание в прошлое, прикреплялся лаборант-исследователь из Отдела экологии. Не посоветовавшись с нами, непосредственными исполнителями, умные головы из руководства Департамента решили, что таким образом они резко сократят число межвременных переходов и тем самым снизят себестоимость проводимых экологами исследований.

В паре со мной оказался совсем еще молодой паренек, лет двадцати двух, рыжий, весь в веснушках и со смешным носом, похожим на птичий клюв. Звали его... Впрочем, имя его не имеет значения. Тем более что сейчас этот бывший лаборант-исследователь из Отдела экологии занимает не самую последнюю должность в Объединенном правительстве. Поэтому назовем его просто Славиком.

Я Славiku доходчиво объяснил, что к чему и что почем. В том смысле, что сначала я делаю свою работу, а уж потом, если остается время, помогаю ему с его заданием. Парень оказался понятливым. Дважды объяснять ему ничего не пришлось – он сразу же со всем согласился.

– Нет проблем, Федор Николаевич, – заявил он. – Три дня на берегу Средиземного моря, в разгар курортного сезона, да еще и в начале двадцатого века, – это счастливый билет, который вытягивает не каждый. Надеюсь, пока вы занимаетесь своим делом, мне будет дозволено ходить на пляж одному?

После этого я понял, что со Славиком у меня проблем не будет. Сказать по чести, я и сам рассчитывал управиться с делом в первый же день, а оставшееся время посвятить изучению местных достопримечательностей, среди которых был отмечен и пляж.

Глава 4

В назначенный срок мы прибыли на место. В отеле «Палас» для нас уже были зарезервированы два смежных номера с окнами на море. В соответствии с разработанной легендой, мы со Славиком должны были изображать двух английских плейбоев, наследников не слишком титулованных, но зато достаточно богатых семей, приехавших в Канны отдохнуть и промотать часть семейного состояния.

Погода на побережье стояла великолепнейшая. Мягкий средиземноморский климат обеспечивал теплые дни без изнуряющей жары. А за то, что в те три дня, которые нам предстояло пробыть гостями Канн, дождь не ожидается, поручился Славик, перед отправкой внимательно изучивший метеосводки за соответствующий исторический период.

Выйдя на балкон и взглянув на лазурное море, похожее на туго натянутый шелковый платок, очерченное острым серпом золотистого полумесяца песчаного пляжа, я впервые по-настоящему, не разумом, а всей душой ощутил, что за два с половиной столетия в мире и в самом деле что-то серьезно изменилось. В середине двадцать второго века, выйдя на тот же самый балкон несколько раз перестроенного, оборудованного по последнему слову техники отеля «Палас», увидишь тот же самый берег и то же самое море. Но при этом тебе ни за что не удастся ощутить той тишины и того покоя, которые разливались над морем в том достопамятном 1906 году.

Быть может, историк возразит мне и станет утверждать, что тишина, окутавшая в то далекое утро каннский берег, на самом деле была напряженной и зловещей, и, прислушавшись как следует, в ней уже можно было различить эхо грядущей войны, но лично мне казалось, что тогда никто даже в страшном сне не мог услышать тот роковой выстрел в Сараеве, который всего через несколько лет перевернет этот тихий и спокойный мир, ввергнув его в пучину бойни, равной которой человечество еще не знало.

От размышлений о судьбах мира меня оторвал мой напарник. Выскочив на балкон, Славик окинул взглядом расстилающиеся до самого горизонта морские просторы, вдохнул полной грудью экологически чистый воздух и, блаженно улыбнувшись, посмотрел на меня.

– Каков план действий, Федор Николаевич?

Я только с досадой цокнул языком и покачал головой. Конечно, в начале двадцатого века в Каннах запросто могла звучать и русская речь, но, если уж мы взялись изображать парочку английских лоботрясов, то и разговаривать следовало на английском.

– Я собираюсь заняться делом, – ответил я на абсолютно правильном английском с легким налетом мягкого стратфордширского акцента. – Как сообщил агент, у графа Витольди на сегодня заказан билет в оперу. Случай подходящий, и я хочу сегодня же вечером вернуть картину ее законному владельцу.

– А я, если позволите, отправлюсь на пляж, – с надеждой посмотрел на меня Славик, не забыв, однако, перейти на английский.

На всякий случай, чтобы парень не расслаблялся, я все же спросил у него:

– А как же твои образцы?

– Воздух, – указал Славик на небо, – вода, – протянул он руку в сторону морского берега, – все рядом. Мне и десяти минут не потребуется на то, чтобы заполнить емкости. А образцы пищи возьму за ужином.

– Смотри, Славик, – строго глянул я на парня. – Чтобы, когда вернемся в Департамент, ко мне от твоего начальства никаких претензий не было.

– Никаких, Федор Николаевич, – клятвенно приложил ладонь к груди Славик. – Я свое дело знаю.

В этом-то я как раз не сомневался.

– Инструкции помнишь?

– Без особой необходимости с местными жителями в контакты не вступать, – начал по памяти перечислять Славик те наставления, что я ему дал. – Ни поведением, ни внешним видом не выделяться из общей массы. Деньгами не сорить. Быть в номере не позже одиннадцати.

– Как насчет одежды?

– Никакой синтетики, все только из натуральных материалов. Вся одежда соответствует принятому в настоящем времени стилю. Бирки с наименованиями фирм-производителей спорты. У меня даже есть закрытый купальный костюм. Я приобрел его в магазине, предлагающем наряды для костюмированных вечеров.

Естественно, я не сомневался в том, что, едва оказавшись на пляже, Славик забудет большую часть из того, что я ему говорил. Но я не видел ничего страшного в том, что он перекинется парой игривых фраз с симпатичной девушкой, а может быть, даже и попытается назначить ей свидание, – все равно со своей нелепой внешностью паренек не имел ни малейшего шанса на сиюминутный успех. А на то, чтобы по полной программе раскрутить легенду о богатом плейбое, у него просто не было времени.

Сыграло свою роль и удивительное, я бы даже сказал, ошеломляющее ощущение покоя – после нескольких месяцев бесконечной и по большей части совершенно бессмысленной суеты в Департаменте оно буквально околдовало меня. В иной ситуации я ни в коем случае не отпустил бы Славика на пляж одного. Но в тот момент я был просто уверен, что с ним ничего не случится. Не то это было место, чтобы здесь могло произойти что-то дурное.

Глава 5

Отпустив Славика, я начал собирать вещи. В белый парусиновый портфель с подкладкой, прошитой углеродной нитью и дактилоскопическим кодом на замке, я уложил картину, которую следовало вернуть в коллекцию графа Витольди, пару пачек денег, которые могли понадобиться в самый неожиданный момент, связку универсальных отмычек, чехлы для ботинок, позволяющие ступать бесшумно и не оставляя следов, и еще кое-какую мелочь. В карманах же у меня не было ничего, кроме документов на вымышленное имя и большого бумажника из крокодиловой кожи, набитого визитными карточками и купюрами крупного достоинства.

Выйдя из отеля, я, как обычно, для начала прогулялся по набережной, среди прохаживающихся вдоль мраморной балюстрады семейных пар, которых сопровождали присматривающие за детьми горничные или гувернантки. На мне был легкий ослепительно белый костюм и такая же белая шелковая рубашка. Ворот ее поддерживал галстук небесно-голубого цвета, завязанный широким узлом, в центре которого сверкала золотая иголка с искусственным алмазом в двадцать два карата. Ни один из нынешних ювелиров не смог бы отличить этот камешек от настоящего. На ногах у меня были блестящие черные ботинки с острыми носами. Голову прикрывала мягкая светло-серая шляпа с узкой малиновой лентой и чуть подвернутыми кверху полями.

Погуляв с полчаса, я понял, что чувствую себя в толпе богатых бездельников не просто легко и непринужденно, но даже вполне комфортно. Мне не составляло никакого труда выдавать себя за такого же хлыща, как любой из тех, что то и дело попадались мне навстречу. Единственным предметом, несколько портившим общее впечатление от моей внешности, был портфель, который я нес в руке. Но с этим приходилось мириться, поскольку в портфеле находились вещи, необходимые для работы. Мне оставалось только придать себе несколько чопорный вид, позволявший сразу же опознать во мне одного из истинных сынов туманного Альбиона, которым, по мнению подавляющего большинства жителей континента, была свойственна некоторая чудаковатость.

Почувствовав себя уверенно в 1906 году, я остановил проезжавший мимо кабриолет и велел кучеру отвезти меня к ресторану «Александрия», находившемуся на том же конце города, что и вилла графа Витольди.

Поездка заняла около получаса. Кучер не торопился, а я не требовал от него погонять лошадь. Мне было приятно ехать не спеша мимо цветущих садов и великолепных фонтанов, в струях которых переливались радужные отблески солнечного света, мимо площадей со стилизованными под античность статуями, облюбованными стаями сизых голубей, мимо великолепных фасадов домов с широкими мраморными лестницами и небольших уютных летних кафе, прячущихся в тени веранд, затянутых лианами дикого винограда. Кучер превосходно знал свое дело – к указанному месту он вез меня, быть может, не самой близкой, но зато уж, несомненно, самой красивой дорогой.

Выйдя из кабриолета возле ресторана «Александрия», я щедро расплатился с кучером, дабы у него, так же как и у меня, остались самые приятные воспоминания о нашей поездке. Окинув взглядом фасад ресторана с гигантскими мраморными львами по краям лестницы, возложившими передние лапы на большие шары, я про себя отметил, что здесь можно будет пообедать.

В этой части города гуляющих было значительно меньше. Поэтому я придал своему лицу выражение серьезности и даже некоторой озабоченности. Походка моя по-прежнему оставалась неспешной, но при этом в ней уже не присутствовало ленивой расслабленности. Каждому взглянувшему на меня сразу же должно было стать ясно, что я вовсе не без дела прогулива-

юсь по улице, а пытаюсь таким образом скоротать время, оставшееся до серьезной деловой встречи, на которую я прибыл слишком рано.

Пройдя чуть более ста метров по улице, укрытой от солнца развесистыми кронами цветущих каштанов, на перекрестке я свернул налево. Улица, на которой я оказался, была еще более тихой и безлюдной. Медленно спускаясь под едва заметный уклон, ее брусчатая мостовая вела меня к берегу моря, поделенному на участки, принадлежащие частным лицам.

Виллу графа Витольди, знакомую по фотографиям, я узнал без труда. Своей архитектурой она заметно отличалась от всего, что можно было увидеть вокруг. Это было приземистое двухэтажное здание с плоской крышей, построенное по эскизам архитектора, предчувствовавшего или же гениально предугадавшего пришествие эпохи конструктивизма. Здание находилось в глубине сада, за которым, судя по его запущенному виду, не очень старательно ухаживали. Сад же окружала двухметровая ограда из металлических прутьев толщиной в два пальца, переплетенных тремя полосами шириною в ладонь. Через каждые полметра изгородь украшали выкованные из металла стилизованные щиты ромбической формы с причудливой виньеткой из переплетающихся ржаных колосьев и виноградных листьев по краю и оскаленной львиной мордой в центре.

В Департаменте меня снабдили подробнейшим планом как самой виллы с садом, так и прилегающего к ней участка пляжа. Но я всегда, прежде чем начать операцию, предпочитал лично удостовериться в том, что меня не ожидают никакие неприятные сюрпризы. В нашей работе всякое случается. Кто знает, быть может, именно сегодня утром граф решил сменить все замки в доме. Или нанял для охраны виллы пару частных детективов.

Включив универсальный сканер, встроенный в ручку портфеля, я не спеша обошел по периметру весь окружающий виллу забор. Заняло это у меня без малого час. Но зато теперь я располагал самой свежей информацией относительно дома, в который сегодня вечером мне предстояло проникнуть.

Агент, постоянно работающий на данном витке временной спирали, сообщил, что картина «Утро», обнаруженная в вещах, брошенных Мариным, пропала из дома графа Витольди ровно неделю назад. Я был уверен в том, что похитителем был не Марин, потому что главным правилом этого контрабандиста было не совершать никаких противоправных действий в прошлом, за которые в настоящем он мог получить дополнительный срок. Все то, что он доставлял из прошлого, Марин покупал или выменивал. Следовательно, и картину «Утро» он приобрел у кого-то из местных воришек.

Казалось бы, схема преступления ясна. В целом – да. Но два вопроса, на которые я так и не смог получить вразумительного ответа, заставляли меня не то чтобы серьезно нервничать, но испытывать некоторое внутреннее неудобство.

Трудно было поверить, что за неделю, истекшую со дня похищения картины, граф Витольди не заметил исчезновения одного из экспонатов своей коллекции. А если так, почему он до сих пор не заявил об этом в полицию?

Допустим, у графа могли быть какие-то неизвестные нам причины молчать о пропаже. Допустим, в свое время он и сам приобрел картину не вполне законным путем. С определенной натяжкой эту версию можно было принять за объяснение странного молчания графа.

Все бы ничего, если бы не было второго вопроса: почему неизвестный похититель взял из коллекции графа только одну, да и то далеко не самую ценную картину? Как сообщил все тот же агент, преступник действовал аккуратно и не оставил после себя никаких следов. Следовательно, был не новичок. Если уж он влез в картинную галерею, значит, именно туда ему и нужно было попасть. Кроме картин, в галерее ничего ценного для вора не было. Выходит, похититель проник на виллу графа Витольди только за тем, чтобы унести картину. И не какую-нибудь, а именно «Утро», которая теперь лежала у меня в портфеле.

Вывод напрашивался сам собой – похититель действовал по наводке. Не могу сказать, сколько стоило заказное похищение картины во Франции в 1906 году, но полагаю, что сумма была далеко не символическая. Кому же могло прийти в голову платить за похищение картины, которая, по большому счету, не представляла собой никакой ценности?

Единственным разумным объяснением являлось то, что похититель по ошибке прихватил не ту картину.

Косвенным подтверждением этому служил и факт, что картина в конечном итоге оказалась у Марина. Видимо, заказчик отказался платить деньги, увидев добычу похитителя, и тот продал картину случайному покупателю. Но в таком случае следовало признать, что похититель был полным остолопом. А это, в свою очередь, совершенно противоречило тому, как ловко и аккуратно обстряпал он дельце.

Закончив обход виллы, я вернулся в ресторан «Александрия». Настало время обеда, и зал ресторана был почти полон. Но, сунув в руку метрдотелю пару симпатичных купюр, я тут же получил отдельный кабинет.

Обед, который я съел в ресторане, достоин отдельного описания. Я не стану этого делать вовсе не из недостатка мастерства, а лишь потому, что не хочу отваживать посетителей от собственного заведения. После описания всех прелестей французской кухни, каковой она была в начале XX века, все, что подается у нас на стол сегодня, покажется пресным и безвкусным.

Итак, завершив обед, который явился подлинным шедевром кулинарного искусства, я попросил официанта принести мне сигару, бутылку «Шабли» и пару местных газет. Получив все вышеназванное, я наградил его щедрыми чаевыми, после чего просьба не беспокоить меня была воспринята им с полным пониманием.

Поскольку я не курю, мне пришлось надеть на конец сигары насадку-имитатор. После этого я зажег сигару, положил ее в пепельницу и просто забыл о ней. Если бы кто-то случайно вошел в кабинет, мне достаточно было взять сигару в руку, чтобы создать видимость процесса курения. А вот в удовольствии попробовать вино я себе отказать не смог. Однако, отпив полбокала удивительно ароматного, немного терпкого, чуть-чуть приятно щекочущего кончик языка вина, я принялся за дело.

Достав из портфеля рабочий планшет с трехмерным изображением, я перегрузил в его память всю информацию, собранную сканером за время прогулки вокруг виллы графа Витольди. Изучив эти данные, я не обнаружил ничего принципиально нового по сравнению с тем, что сообщил агент. За истекшую неделю замки в доме не менялись. Никаких новых охранных систем установлено не было. Судя по всему, самой надежной охраной граф считал свору доберманов, которых на ночь выпускали в сад. Кстати, в связи с этим возникал еще один любопытный вопрос: почему сторожевые псы никак не отреагировали на появление похитителя?

Биодатчик указывал на то, что, помимо графа, в доме обреталось еще шесть человек. Если все они были из числа прислуги, то после восьми часов вечера их должно было остаться только трое.

Картинная галерея находилась в правом крыле здания, на первом этаже. Проникнуть в нее можно было как через окно, так и через отдельную дверь, ведущую в небольшую прихожую перед галереей, в которой стоял только круглый столик с телефоном, – должно быть, на тот случай, если потребуются срочно вызвать полицию.

Что ж, все эти детали ничуть не противоречили моему плану, который я собирался привести в исполнение сегодня вечером. Я намеревался проникнуть незамеченным в картинную галерею графа и вернуть «Утро» на его прежнее место. Если граф не заявил об исчезновении картины до сих пор, то, следует полагать, он не станет поднимать шум и после ее таинственного возвращения.

Спрятав планшет в портфель, я взял в руку бокал вина и, полный блаженства, откинулся на спинку кресла. Думал я теперь уже не о деталях предстоящей операции, а о том, что после ее успешного завершения у меня останутся еще два дня, которые я проведу в полное свое удовольствие.

Глава 6

Времени до десяти вечера, когда граф Витольди должен был покинуть свою резиденцию, оставалось вполне достаточно для того, чтобы, прихватив в гостинице купальный костюм, посетить пляж и окунуться в лазурные воды Средиземного моря. Но я не позволил себе расслабиться. Завтра, после окончания операции, – все что угодно, но сегодня я должен был оставаться собранным и нацеленным только на то, что мне предстояло сделать. По собственному опыту мне было известно, что зачастую именно те операции, которые на первый взгляд кажутся до смешного простыми, на деле преподносят такие сюрпризы, о которых потом еще долго вспоминают в Отделе. Например, история о яйцах Фаберже... Да что я буду рассказывать, когда все ее и без того знают.

Покинув ресторан, я немного прогулялся по центру города, наслаждаясь тишиной и спокойствием, какие невозможно ощутить в современных городах, перегруженных транспортом и до предела заполненных людьми, вечно торопящимися куда-то и в спешке, на ходу обсуждающими через ком-браслеты какие-то чрезвычайно важные дела. Там же, где я находился, сам ритм жизни, казалось, был совершенно иной, замедленный, по сравнению с привычным для нас. Незнакомые люди, встречаясь на улице, улыбались друг другу и вежливо раскланивались. А если кто-то обращался к тебе с каким-то незначительным вопросом, то это непременно предварялось длинной вступительной речью, в которой извинения за то, что тебя отвлекают от созерцания разгуливающих по брусчатке раскормленных голубей, смахивающих на миниатюрных индюков, искусно переплетались с заверениями в искренней признательности за помощь, которую ты даже еще и не успел оказать.

Подозвав кабриолет, я попросил отвезти меня к набережной.

Прогуливаясь берегом моря, я не без интереса наблюдал за купающимися. Их купальные костюмы порою вызвали усмешку. Но зато детская непринужденность, с которой они плескались в воде или играли с мячом, могла вызвать у меня разве что зависть. В этих людях, казалось, не было ни капли расчетливого рационализма, в той или иной степени присущего всем без исключения нашим современникам.

Купающихся было не так много – почти все сидели под зонтами неподалеку от кромки моря, наблюдая за медленно набегаящими на песчаный берег прозрачными голубыми волнами, отороченными узкой каймой белой пены, и ведя какие-то неспешные и, судя по всему, ни к чему не обязывающие беседы. Я подумал, что, возможно, увижу среди них Славика. Но, дойдя до аллеи, ведущей к отелю, в котором мы остановились, я так и не заметил на берегу его красно-белого полосатого купального костюма. Меня это ничуть не взволновало. Возможно, он заплыл так далеко в море, что с берега его было невозможно отличить от других любителей дальних заплывов. А может быть, вволю наплескавшись, Славик решил переместиться с пляжа в одно из маленьких, симпатичных кафе, во множестве разбросанных поблизости.

Начало смеркаться, и я вернулся в отель, чтобы сменить одежду.

Достоинством костюма, который я выбрал для ночной прогулки, помимо его темного цвета, являлись еще и вшитые под подкладку эластичные тяжи. Совершенно незаметные для постороннего взгляда, они могли в одну секунду превратить элегантный костюм в облегающее тело трико, стоило мне только потянуть спрятанную в углу кармана петлю. И точно таким же образом я мог быстро превратить спортивное трико в вечерний костюм, на котором не было ни единой лишней складочки.

Так и не дождавшись Славика, я спустился в ресторан отеля и заказал себе ужин, позаботившись о том, чтобы он был не слишком обременительным для желудка.

Уже на выходе из отеля я в дверях столкнулся со Славиком. На нем были широкие светлосерые брюки и легкая кремовая рубашка с короткими рукавами. Под мышкой мой напарник

держал теннисную ракетку с плетеной ручкой. На губах у него блуждала немного растерянная улыбка, которая могла возникнуть только на лице абсолютно счастливого человека.

Я взял Славика за локоть и отвел его чуть в сторону от дверей.

– Как провел время?

– Великолепно! – Славик восторженно закатил глаза. – Не припомню, когда я в последний раз так роскошно отдыхал.

– Никаких проблем?

– Нет.

Однако прозвучало это «нет» как-то не очень уверенно.

Я посмотрел Славика в глаза. То, что он даже не попытался отвести взгляд в сторону, было хорошим знаком.

– Что? – спросил я.

– Да парень какой-то на пляже пристал, – сказав это, Славик пренебрежительно дернул плечом, как будто хотел показать, что дело не стоит того, чтобы уделять ему особое внимание.

Но все же у него, видимо, имелись какие-то сомнения.

– В каком смысле «пристал»? – взгляд мой, устремленный на Славика, сделался по-отечески строгим.

– Майка ему моя понравилась! – движение разведенных в стороны рук можно было расценить и как сожаление по поводу того, что все так вышло, и как извинение за некую допущенную промашку, и как возмущение по поводу фривольного поведения незнакомца. – Сначала спросил, откуда, мол, такая? Я ответил, что колониальный товар, ручная работа. Так он пристал: продай да продай... Еле отделался...

Я насторожился.

– Что за майка?

– Да самая обыкновенная. Белая хлопчатобумажная тенниска с короткими рукавами и шнуровкой.

– Какие-нибудь надписи?

– Нет, – уверенно отверг мое предположение Славик.

– А рисунки?

– Только на кармане. Какой-то мелкий и совершенно невразумительный... Да, по сути, и не рисунок вовсе, а просто разноцветные пятна.

– Где сейчас майка?

– Наверху, в номере, – Славик большим пальцем указал на потолок. – Я после обеда зашел, чтобы переодеться.

– Ладно, – я ободряюще хлопнул Славика по плечу и посмотрел на часы. Времени на разговоры у меня уже не оставалось. – Завтра посмотрим на твою майку.

Глава 7

Славик отправился в свой номер, чтобы переодеться к ужину, я же вышел на улицу и взмахом руки подозвал к себе стоявший неподалеку кабриолет.

Еще раз сверившись с часами, я попросил кучера высадить меня поблизости от ресторана «Александрия».

Кто неизменно привлекает к себе внимание прохожих? Верно, человек, который стоит на месте, то и дело оглядываясь по сторонам и явно чего-то ожидая. При случае прохожий непременно припомнит этого человека. В то время как тот же самый человек, не спеша, но и не рассеянно идущий по улице, вряд ли привлечет к себе чье-то внимание. Именно поэтому, находясь на задании, я всегда предпочитал выстроить свой маршрут к намеченной цели таким образом, чтобы не приходилось нигде задерживаться.

Я вышел к перекрестку точно в тот момент, когда черный лимузин графа Витольди, пыхтя и фыркая, выехал из-за угла, свернул направо и укатил, оставив за собой облачко сизого выхлопа, ненадолго повисшее в прозрачном вечернем воздухе.

Глядя ему вслед, я с грустью подумал о том, что начинается эпоха тотального загрязнения окружающей среды, которую, к сожалению, очень не скоро сменит эпоха борьбы за ее защиту. Увы, в те далекие от нас времена никто еще не имел представления об экологически чистом топливе. Да, наверное, никто и не думал о том, насколько оно необходимо. Тут уж ничего не попишешь – человек испокон веков живет если и не одним днем, то, в лучшем случае, временным отрезком, не превышающим продолжительность его жизни. Но, вопреки мнению многих маститых исследователей, я все же полагаю, что, на фоне других живых существ, населяющих нашу Землю, которые вообще не осознают неизбежности хода времени, наше к нему отношение – это все же несомненный прогресс.

Итак, убедившись в том, что хозяин интересующей меня виллы покинул дом, я мог начать действовать. Я не спеша спустился к берегу моря, что заняло у меня около двадцати минут. Правое крыло виллы графа Витольди, в котором располагалась картинная галерея, тонуло во мраке. Огни в окнах горели только в левом крыле, где находились комнаты прислуги. Включив сканер, я прошелся вдоль забора, чтобы снять общий профиль и выяснить, сколько человек находится в доме.

Дойдя до середины забора, я услышал приглушенное рычание. Из-за забора на меня смотрела злобно оскаленная черная собачья морда. Я приветливо улыбнулся песику и помахал ему рукой. Снедаемый желанием вцепиться мне в горло, доберман с лаем кинулся грудью на решетку, словно всерьез рассчитывал проломить ее. Я неодобрительно покачал головой и продолжил путь. Звери, охранявшие собственность графа Витольди, внушали уважение, но у меня имелось надежное средство для защиты от них.

Дойдя до конца ограды, я прошел еще метров сорок вперед и присел на прибрежный камень. Осторожно посмотрев по сторонам и убедившись, что за мной никто не наблюдает, я достал из портфеля рабочий планшет.

Результаты сканирования оказались именно такими, какие я и ожидал. В доме находились трое человек. Двое сидели за столом в подсобном помещении для прислуги. Чем именно они там занимались, на полученном со сканера изображении рассмотреть было невозможно, но я почему-то подумал, что они играют в карты. Третий человек находился в обеденном зале – должно быть, наводил там порядок. По саду бегали шесть злобных псов. Путь к галерее был свободен.

Убрав планшет в портфель, я посмотрел на часы. Начало двенадцатого. Стемнело уже настолько, что в двух шагах ничего не было видно. Зато, если запрокинуть голову, можно было полюбоваться бриллиантовой россыпью звезд и тонюсеньким серпом луны. Со стороны моря

доносился едва слышный шорох набегающих на песчаный берег волн. Легкий ветерок нес с собой чуть кисловатый запах соленых морских брызг и выброшенных на берег подгнивших водорослей. Где-то вдалеке кто-то громко кричал по-немецки, пытаясь отыскать потерявшегося в ночи приятеля по имени Курт. Тишина и покой. Самое время, чтобы заняться делом злоумышленнику. Слуги, довольные тем, что хозяин покинул дом, отдыхают от повседневных забот. Чуть позже они начнут прислушиваться и реагировать на каждый посторонний звук, доносящийся из сада. Но до тех пор охрана виллы была полностью доверена доберманам.

Я достал из портфеля очки в тонкой металлической оправе с чуть затемненными стеклами. С виду самые обыкновенные очки, которые приходится носить человеку с ослабленным зрением. Но в их левую дужку был встроен усилитель световых сигналов, а в правую – инфракрасный сканер. С такой экипировкой я мог видеть в темноте лучше кошки.

Я обошел виллу со стороны моря. Выбрав место, откуда было ближе всего до галереи, я присел возле ограды на корточках и достал из портфеля миниатюрный, размером с авторучку, плазменный резак. Для того чтобы проникнуть в сад, мне нужно было вырезать всего один металлический прут из ограды. Но едва я принялся за работу, как из кустов, захлебываясь безумным лаем, вылетела сразу пара доберманов, намеревавшихся добросовестно исполнить свой служебный долг. Право же, напрасно они проявляли такое рвение. Я сунул руку в карман и нажал на кнопку небольшого цилиндрического приборчика, который мы в отделе называем «жужжалкой». Доберманов как языком слизнуло. Были – и нет их. Умотали куда-то, поджав хвосты.

Жужжалка воспроизводит определенный набор звуков в ультразвуковом диапазоне. Ухо человека уловить их не в состоянии, а вот животные слышат великолепно. На собак жужжалки наводят такой страх, что они сломя голову бегут куда подальше от источника звуков.

На то, чтобы в двух местах перерезать прут ограды, у меня ушло минут пять. Аккуратно положив вырезанный кусок на траву, – на обратном пути я собирался установить его на прежнем месте с помощью молекулярного клея, – я потянул за петлю в левом кармане пиджака, и мой великолепный костюм превратился в черное трико, идеально подходящее для лазанья по чужим домам. Подошвы ботинок я обработал составом из небольшого распылителя. Теперь в них можно было ступать почти беззвучно. К тому же к подошвам не липла никакая грязь, а значит, на паркетном полу галереи я не оставлю следов.

Отобрав инструменты, которые могли мне понадобиться, я рассовал их по карманам. После этого вытянул из днища портфеля широкую ленту с «липучкой» и с ее помощью надежно закрепил портфель на спине.

Внимательно прислушавшись и не уловив никаких посторонних звуков, я бочком пролез в сад через проделанную в ограде дыру.

В окнах картинной галереи по-прежнему не было огня. Добравшись до наружной двери, я вставил в замок универсальную отмычку и нажал на кнопку активации. Подбор варианта ключа занял секунд десять – замок был не самым простым. Смазав дверные петли специальным составом, дабы они невзначай не скрипнули, я осторожно приоткрыл дверь и проскользнул за нее.

Прикрыв дверь за собой, я осмотрел помещение, в котором оказался. Кроме столика, на котором стоял телефон, в прихожей ничего и никого не было.

Дверь, ведущая в галерею, не запиралась. Вновь использовав смазку, я взялся за дверную ручку и осторожно потянул ее на себя.

Галерея представляла собой длинный зал шириною около пяти метров. По одной из стен через равные интервалы следовали окна, закрытые тяжелыми узорчатыми портьерами. На противоположной стене располагались экспонаты коллекции графа. За стеной находился точно такой же зал. Чтобы попасть в него, нужно было пройти до конца зала галереи и повернуть направо. Но мне туда идти было незачем. Место, на которое я должен был повесить зло-

получную картину, находилось примерно посередине между входом в галерею и поворотом, ведущим во второй зал.

По имевшейся в отделе трехмерной виртуальной проекции я так хорошо изучил расположение картин на стене, что мог бы найти нужное место с завязанными глазами. Ну а с моими чудо-очками это и вовсе не составляло труда. Ступая беззвучно, я уверенно прошел к месту, где должно было висеть «Утро». Крючок, предназначенный для картины, само собой, был пуст. Я снял со спины портфель, открыл его и поставил на пол. Осторожно, двумя руками извлек из портфеля картину, освободил ее от обертки и уже приготовился повесить на то же самое место, откуда снял ее неизвестный похититель, когда внезапно в зале вспыхнул весь верхний свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.